

С прошлого номера наш журнал стал тематическим. Номер, который вы держите в руках, был задуман с иностранным акцентом. Сначала мы хотели поговорить только о Чехии, литературной и книжной, но разговор вышел за пределы стран и континентов.

Герои номера гуляют по Европе и Северной Америке, свободно говорят по-французски, участвуют в Цусимском сражении. Наконец, один из персонажей журнала – Гоблин – известный и талантливый переводчик зарубежных фильмов.

Однако чешская тема осталась в номере главной. Вас ждет встреча с Петром Вайлем (Россия–США–Чехия); книгой сказок Карела Чапека (издательство «Самокат»). А на десерт – «Невинное и винное чтение» – приятная прогулка по пражским книжным магазинам.

*Vítáme Vás! (чеш. Добро пожаловать)
и Šťastnou cestu! (чеш. Счастливого пути)*

От редакции.

ЭТИ СКАЗКИ ОСОБЕННЫЕ

К октябрю 2008 г. в издательстве «Самокат» выйдет книга сказок чешского писателя Карела Чапека в переводе Бориса Заходера, с иллюстрациями Татьяны Кормер.

Обычно в сказках рассказывается о том, что случилось давным-давно, в незапамятные времена. А тут почти все происходит в наши дни. В сказках все разворачивается в тридевятом государстве. А здесь почти все чудеса творятся в хорошо знакомых каждому чешскому мальчику и девочке местечках и деревнях Чехии – Гронове, Унице, Трутнове, а то и в самой столице – золотой Праге. Даже край света находится где-то поблизости – между Костельце и Сватовице...

В этих сказках немало чудес. И самое интересное, что происходят эти чудеса нередко с самыми обыкновенными людьми — с бродягами и докторами, почтальонами и шоферами, дровосеками и мельниками.

Карел Чапек впитал мир сказок через бабушку и научился отыскивать в повседневной речи простые, но сочные слова, а потом и играть ими, как жонглер мячиком. Любопытный малыш убежал из дома, чтобы понаблюдать, как кузнец раздувает мехами огонь, калит железо и как, рассыпая искры, мягкое железо поддается молоту. Он приходил к колеснику посмотреть, как тот натягивает шины на колеса. Нес сапожнику разбитые ботинки и часами сидел рядом с ним, наблюдая за его работой. Или подолгу стоял, перегнувшись, у фонтана и смотрел, как рябит вода от удара прутика. Он мог замереть у витрины с часами, ожидая появления кукушки, а то и попытаться завязать дружбу с Тигром, огромным псом мясника... Словом, маленький Карел оказывался в самых любопытных местах (наверняка и на почте!), а брату с сестрой приходилось отыскивать его, чтобы вернуть домой.

Нечего и удивляться, что человек с таким богатым детством написал именно такие сказки...

© «Полицейская сказка»
иллюстрация,
Татьяна Кормер

Почтальон играет в карты с почтовичками — почтовыми домовыми... Грозный волшебник Магиаш давится сливовой косточкой, и к нему приходится вызывать врачей... Безработного дровосека увозят в султанство Сулейманское, чтобы он вылечил захворавшую принцессу...

Чапек сказал как-то: «Хотел бы я знать: если есть сказки обо всех на свете ремеслах и занятиях — о королях, принцах и разбойниках, о пастухах и рыцарях, о чернокожниках, великанах, дровосеках и водяных, почему же не может быть хоть одной сказочки и о почтальоне? Ведь посмотрите, что такое почта: это же, ей-богу, прямо какое-то заколдованное место. Кругом там всякие надписи вроде «Не курить!», и «Собакам водить воспрещается», и много других страшных слов. Уверю вас, столько объявлений и заклятий не найдешь в конторе ни у одного чародея. В общем, сразу видно, что почта — место таинственное и необыкновенное...»

Вот, оказывается, какие удивительные истории творились на белом свете совсем недавно! Странно только, что никто этого не замечал.

Что ж, дорогие читатели, погрузитесь в мир Крконошского края вместе с Карелом Чапеком и Борисом Заходером.

ПЕТР ВАЙЛЬ. А ГЛАВНЫЕ КНИГИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Я УЖЕ ПРОЧИТАЛ, ЧТО ПЕЧАЛЬНО...

«Почему, когда говоришь человеку, бывавшему в Праге, что побывал в Праге, он начинает улыбаться? Потому что путешественнику Прага запоминается не столько драматическими контрастами архитектуры или городскими удовольствиями, а цивилизованностью. Даже революция у них была — бархатная. Теперь город напоминает освободившегося из тюрьмы культурного человека. Он сбрасывает в мусорный бак тюремные обноски, принимает долгую ванну, одевается в чистую, красивую одежду. Ставит музыку — второй акт «Титуса». Надо еще разобрать почту. Надо записать в календарь дела и встречи до конца недели.

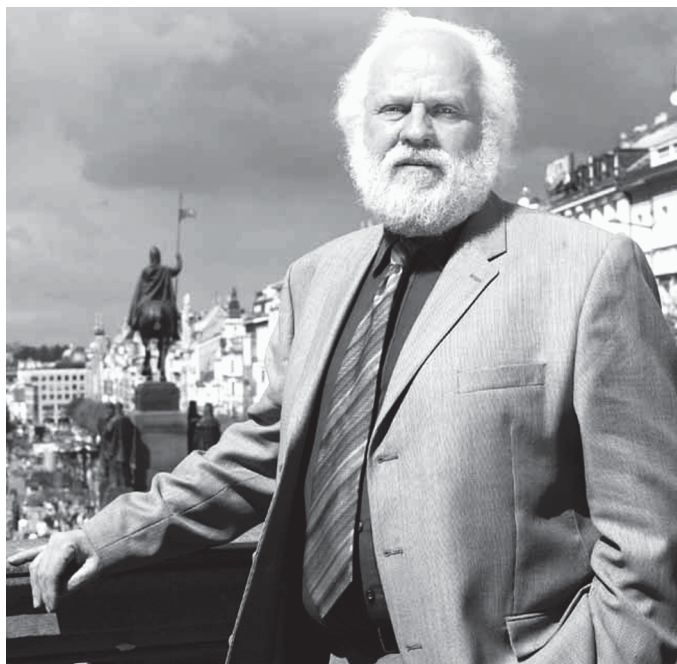
Петру Вайлю подходит жить в этом городе, потому что он — один из самых цивилизованных людей среди тех, кого я знаю, мне очень нравится характер работоспособности Вайля. Большинство моих друзей не лентяи, но некоторые добиваются результатов, впадая в “трудо-вую истерику”. Вайль работает споро, доброкачественно и спокойно. Он все делает в срок. Не подводит. Не опаздывает на свидания. О таких цивилизованных русских людях и мечтал Чехов» (Лев Лосев).

Нам, редакции журнала «Большая Библиотека», удивительно повезло. В начале лета нам представилась возможность взять у Петра Вайля интервью. Мы бесконечно благодарны за этот шанс журналисту СГТРК Светлане Толмачевой.

ПЕТР, ВАШЕ ЛЮБИМОЕ ЧТЕНИЕ В ДЕТСТВЕ?

Сказки никогда не любил. Попросту говоря, не верил в их вымысел, во всех этих говорящих зверушек, летающие ковры и избушки на курьих ножках. Припоминаю, что это даже обижало: почему меня за такого дурака держат. Во взрослом читательском обиходе отношение обернулось нелюбовью к фантастике — и к той, что именуется science fiction, и к fantasy. То есть, я мог (и могу) оценить литературное мастерство и бешеную фантазию Роберта Шекли, Рэя Бредбери, братьев Стругацких, но как-то так, со стороны, умозрительно. Увлечёлся этим — ни за что. То же самое — с кино. Как только появляется фантастика или потусторонность — сразу становится скучно.

Первые книжки, которыми увлекался — мужские приключения: Джек Лондон, Фенимор Купер, записки путешественников.

ПЕТР ЛЬВОВИЧ ВАЙЛЬ,

журналист и писатель

Главный редактор Русской службы «Радио Свобода». Работает на радиостанции с 1988 года. Начинал в Нью-Йоркском бюро, где впоследствии возглавил отделение Русской службы. С 1995 года в Праге: заместитель директора Русской службы по информационным, потом – по тематическим программам, вел цикл программ «Герои времени».

Родился в 1949 году в Риге. Закончил редакторский факультет Московского полиграфического института. В 1977 году эмигрировал в США и работал в различных эмигрантских периодических изданиях в Нью-Йорке.

Автор книг «Гений места», «Карта родины», «Стихи про меня». В соавторстве с Александром Генисом опубликовал «60-е: Мир советского человека», «Американа», «Русская кухня в изгнании», «Родная речь». Является составителем и автором послесловий сборников Иосифа Бродского «Рождественские стихи» и «Пересеченная местность», соавтор (со Львом Лосевым) книги «Иосиф Бродский: труды и дни». Лауреат нескольких литературных премий.

Член-основатель Академии русской современной словесности, член редсоветов журналов «Иностранная литература» и «Знамя». Автор и ведущий телецикла «Гений места с Петром Вайлем». На X Международном фестивале телевизионных программ и фильмов «Золотой бубен» программа «Гений места с Петром Вайлем» была удостоена специального приза Жюри «За развитие просветительских традиций телевидения».

По информации <http://www.inostranka.ru/ru/author/363/>

Стихи позже пришли, хотя запоминал их наизусть с первого прочтения, километрами. Но настоящий интерес к поэзии — это все-таки не детство, а позже, в отрочестве и юности. В таком примерно хронологическом порядке: Лермонтов, Блок, Есенин, Пастернак, Пушкин, Заболоцкий. Эти были первыми.

ТРАДИЦИИ ЧТЕНИЯ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ — КТО ВАМ ЧИТАЛ ВСЛУХ, КАКАЯ БИБЛИОТЕКА БЫЛА ДОМА?

Вслух, по-моему, никто не читал, разве что совсем в колыбельном возрасте. Бабушек-дедушек у меня не было. Отец до моих семи лет был офицером, служил, в основном, в Даугавпилсе, а мы жили в Риге, так что он приезжал только на выходные. Мать же была хирургом. Что такое хирург в советской больнице или поликлинике — кто помнит или знает, тому не надо объяснять, какая она приходила с работы.

Сам научился читать года в четыре. В детском саду молодые воспитательницы этим очень пользовались: сажали меня с книжкой читать всей группе, а сами своими амурными или какими там еще делами занимались. Дома читал запойно. У нас была среднеинтеллигентская библиотека: все положенные собрания сочинений классиков, русских и зарубежных. Литературных журналов не выписывали.

СВОЮ БИБЛИОТЕКУ КОГДА НАЧАЛИ СОБИРАТЬ? ПО КАКОМУ ПРИНЦИПУ СТАВИТЕ ДОМА КНИЖКИ НА ПОЛКУ, ЧЕМ ГОРДИТЕСЬ?

Как-то она сама собиралась. Сейчас стоят на полках тысячи две с половиной книг — подавляющее большинство, естественно, не берешь в руки годами. Но ведь никогда не знаешь, что может понадобиться. Всё жду, что какой-нибудь решительный переезд заставит избавиться от половины — заранее страшно, что же отобрать.

Расстановка книг — обычная: история к истории, словари к словарям, беллетристика по странам и в хронологии.

Никогда не испытывал к книгам библиофильской страсти: всегда предпочту хорошее современное издание, с комментариями и прочим аппаратом, старому, хоть бы и ценному. Правда, есть у меня самое редкое из всех существующих издание Бродского — пронумерованный экземпляр № 1 сборничка, выпущенного тиражом в пять экземпляров, с дарственной надписью. Так и он не за редкость дорог, а за память.

КАК ВЫ ЛЮБИТЕ ЧИТАТЬ — ЛЕЖА, СТОЯ, В ТУАЛЕТЕ (пардон — есть такая старая традиция), С МОНИТОРА ИЛИ ПРЕДПОЧИТАЕТЕ ЖИВУЮ КНИГУ?

Лучше всего — сидя. На втором месте — лежа. В сортире чтение обязательно, но это же недолго, статистически ничтожно. С монитора читаю по необходимости, если больше двух-трех страниц — распечатываю. На мой век хватит пиетета к буквам на бумаге, а не к значкам на экране.

ВСЕЛИЛА ЛИ В ВАС ШКОЛА НЕНАВИСТЬ К КЛАССИКАМ ИЛИ КОНКРЕТНЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ?

Да нет, сколько помню, мне всегда казалось, что я больше своих учителей понимаю в книжках, которые на уроках проходили. Так что наши параллели не соприкасались: ничего мне ни привить, ни испортить преподаватели не могли. Хотя сколько глупостей эти несчастные болтали о Пушкине или Толстом — жутко вспомнить. Но это если слушать их объяснения и хоть чуть в них вникать, а я как-то сам пробовал.

ПОМНИТЕ ЛИ ВЫ ТО СОБЫТИЕ В ЖИЗНИ, ПОСЛЕ КОТОРОГО СКАЗАЛИ СЕБЕ: «Я — ПИСАТЕЛЬ»?

Не было такого события. И в смысле — Писатель! — я себя таким не чувствую. Ощущение куда скромнее, профессиональнее — со строчной буквы, а не с заглавной..

КАКОВА ОНА — СУДЬБА ПИСАТЕЛЯ НА ЧУЖБИНЕ?

Да примерно такая же, как на родине. Человек, составляющий буквы в слова, а слова в предложения — по определению, маргинал, заслуживающий подозрительного отношения. Везде. Не вполне серьезное занятие в глазах нормального большинства где бы то ни было. Другое дело, что в стране родного языка — куда больше практических возможностей эти свои навыки как-то пристроить, но зато в иноязычной среде есть свой плюс — языковая, стилистическая дисциплина выше.

ЧТО НУЖНО ДЛЯ УСПЕШНОГО СТАРТА ПИСАТЕЛЮ, КОТОРЫЙ УЕХАЛ ИЗ РОССИИ НЕИЗВЕСТНЫМ, НЕПРИЗНАННЫМ?

Не знаю. Вернее, догадываюсь: не уметь ничего другого и — главное! — не хотеть уметь. То есть, опять-таки — ровно то же, что нужно писателю в стране своего языка. Писать нужно не тогда, когда кажется, что можешь писать, а когда оказывается, что не можешь не писать.

ВЫ ДРУЖИЛИ С ДОВЛАТОВЫМ, ВОДИЛИ ЗНАКОМСТВО С БРОДСКИМ — О КАКИХ ПИСАТЕЛЯХ ИЗ СВОЕГО КРУГА ОБЩЕНИЯ ТАКЖЕ МОЖНО УПОМЯНУТЬ В ЭТОМ РЯДУ?

Да много нас было. Я же, эмигрировав, поселился не где-нибудь в Цинциннати, а в Нью-Йорке. Огромный город с большой русской общиной, с газетами, радио, телевидением на русском языке. Вы назвали самых известных — и правильно сделали. Литература — то, что остается, крупные величины. Бродский — гигант, его хоть на Фиджи посели, хоть на Огненную Землю — он и там бы писал замечательно. Но литературный процесс — масса, питательная среда. О тех, кто его составлял, забудут, но без них не было бы атмосферы, в которой только и может происходить этот самый литературный процесс.

КАК ВЫБИРАЕТЕ, ЧТО ПОЧИТАТЬ?

Уже много лет, как я читаю все больше и больше non-fiction — биографии, мемуары, историю и пр. А главные книги художественной литературы я уже прочитал, что печально. Хотелось бы впервые прочесть «Мертвые души», «Три мушкетера», «Гамлета», «Хаджи-

«КАРТА РОДИНЫ» О ЛЮБВИ И УВАЖЕНИИ

Они все время спрашивают: «Не думаете ли вернуться в Россию?» За много лет приспособился отвечать. Примерно так: этот вопрос был актуален в ситуации несвободы, в двуполлярном мире, а теперь, когда сел и полетел, — какая разница, откуда и куда.

Но все спрашивают. Часто — будь то интервью или просто разговор с новым знакомым. Отвечаешь почти машинально: «Этот вопрос был актуален...». Тут и приходит осознание: раз спрашивают, значит, то и имеют в виду. Значит, важно, откуда и куда у тебя самолетный билет. Это ты возмнил о свободе-несвободе, а они — нет, то есть тоже возмнили, но по-другому. Называется «свой путь».

Есть, конечно, соблазн сбросить все на материальную сторону дела — но не получается: спрашивают и те, кто куда лучше тебя одевается, изысканнее ест и шире путешествует. Для тебя Мальдивы — точка на карте, а у него там мобильник не включился, такая досада.

«Я родину люблю», — говорят персонажи, актеры, писатели, политики. В этом, что ли, дело? Так и я люблю. Как это у Сергея Гандлевского:

...Раз тебе, недобитку, внушают такую любовь

Это гиблое время и Богом забытое место.

Еще сердечно привязан к Италии — больше всего, и к Штатам, и к Норвегии, и к Голландии. Может, тут разгадка? Нет печки, от которой положено плясать. Потеря? Да, потеря. Главная — утрата стихии языка, когда, по слову поэта, «словарь шумит на перекрестке». За тем и берешь билет. Но и обратный — тоже. Потому что одной любовью жить не получается, это по молодости можно, по подростковости. С годами отношения с миром устанавливаются — вне зависимости от твоего желания и намерений — по другой шкале, по шкале общезнания и взаимопонимания. В Италии ценишь извлекать смысл жизни из каждого дня, в Штатах — разумность и удобную организованность, в Норвегии — красивое благообразие, в Голландии — внятное достоинство. Родину уважать очень трудно, не получается. Любовь — другое дело, она дается без усилий. Она просто есть.

Ниточки, связывающие человека с родиной, могут быть самыми разными — великая культура, могучий народ, славная история. Однако самая крепкая ниточка тянется от родины к душе. То есть к желудку.

Это уже не ниточки, а канаты, манильские тросы. О народе, культуре, истории можно спорить до утра. Но разве присутствует дискуссионный момент в воле?

Нельзя унести родину на подошвах сапог, но можно взять с собой крабов дальневосточных, килек пряных таллиннских, тортиков вафельных «пфалине», конфет типа «Мишка на Севере», воды лечебной минеральной «Ессентуки» (желательно семнадцатый номер). С таким преискусантом (да, горчицу русскую крепкую) жить на чужбине (еще масла подсолнечного горячего жжима) становится и лучше (помидорчиков слабосильных), и веселее (коньяк «Арапат», 6 звездочек!).

Вайль П. Русская кухня в изгнании : эссе / П. Вайль, А. Генис ; вступ. ст. Л. Лосева. — М. : Независимая газета, 2001. — 176 с., ил. — (Серия «Эссеистика»). — С. 26.

... Как говорил пророк нашего безобразного поколения Венчик Ерофеев, «жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не ошибиться в рецептах».

Вайль П. Русская кухня в изгнании : эссе / П. Вайль, А. Генис ; вступ. ст. Л. Лосева. — М. : Независимая газета, 2001. — 176 с., ил. — (Серия «Эссеистика»). — С. 27.

Мурата», «Улисса», «Сатириконе», «Швейке», «Бесов», «Котловане», «Госпожу Бовари», «Москву-Петушки». Но такие книги не каждое десятилетие появляются.

А К СОВЕТАМ ЧЬИМ-ТО ПРИСЛУШИВАЕТЕСЬ?

Пожалуй, нет. По тому, кто что и за что хвалит — уже все понятно: большой опыт за годы накопился.

ЧТО ИЗ ПРОЧИТАННОГО В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ПРОИЗВЕЛО НА ВАС ВПЕЧАТЛЕНИЕ?

Блистательные два тома об искусстве итальянского Возрождения петербургского автора Александра Степанова — так свободно и убедительно по-русски об изобразительном искусстве еще не писали. Сильную книжку, острую и виртуозную, написал Владимир Сорокин — лучшую свою: «День опричника».

ЧИТАЕТЕ ТОЛЬКО НА РУССКОМ?

Нет, еще по-английски.

ВСЕМ, КТО ЗНАКОМ С ВАШИМ ТВОРЧЕСТВОМ, ИЗВЕСТНА ВАША СТРАСТЬ К КУЛИНАРИИ — «РУССКАЯ КУХНЯ В ИЗГНАНИИ» ЧЕГО ТОЛЬКО СТОИТ! НО СЕГОДНЯ НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ ПРОРВА ПРОГРАММ ПРО ЕДУ И НА КНИЖНЫХ ПОЛКАХ МОЖНО НАЙТИ МАССУ РЕЦЕПТОВ ОТ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. В ОБЩЕМ, ЭТУ ТЕМУ ЭКСПЛУАТИРУЮТ ВСЕ, КОМУ НЕ ЛЕНЬ. НЕТ ЛИ У ВАС ОПАСЕНИЙ, ЧТО ЗРИТЕЛЮ-ЧИТАТЕЛЮ ОТОБЬЮТ ВКУС ИЛИ ПОПРОСТУ ПЕРЕКОРМЯТ ЕГО?

Да нет. Нормальный российский захлест. Столько веков (без преувеличения) считать низкой тему материальной культуры, а потом сорваться в эту, как вы говорите, прорву. Со временем всё выровняется. Придет в норму.

ЕСТЬ ЛИ В ВАШЕЙ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ИЛИ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ КАКИЕ-ТО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ С УРАЛОМ И КОНКРЕТНО С ЕКАТЕРИНБУРГОМ, НАШИМИ ПИСАТЕЛЯМИ, НАПРИМЕР — ЖУРНАЛ КАК-НИКАК В ЕКАТЕРИНБУРГЕ ИЗДАЕТСЯ?

Немного знаком с Виталием Кальпиди — исключительно интересный поэт. Он, будучи настоящим просветителем и культуртрегером, прислал мне как-то целую пачку поэтических сборников уральских поэтов — там было много примечательного. Заочно знаю Аркадия Застырку: это явление — и оригинальные вещи, и переводы, и очень любопытное переложение «Гамлета», именно не прямой перевод, а поэтический пересказ, сохраняющий дух и суть оригинала. Регулярно просматриваю в интернете журнал «Урал». Но в вашем городе, увы, не был — как-то случай до сих пор не представился, я бы с удовольствием.

ПЕТР ВАЙЛЬ. СТИХИ ПРО МЕНЯ

В 2006 году в издательстве «Колибри» вышла книга эссе Петра Вайля «Стихи про меня»: 55 великих стихотворений русской литературы, 55 блестящих эссе о поэзии и самом себе.

При подготовке к интервью Петр Вайль прислал нам несколько глав из книги. В письме он написал: «Чуть позже посмотрю главы из “Стихов про меня” и пришлю три-четыре маленькие на выбор. Только условие: эти вещи сокращать нельзя, давать всю главу целиком».

Условие мэтра мы с удовольствием выполняем.

ФАНТОМНАЯ БОЛЬ

Максимилиан Волошин

1877 – 1932

МИР

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогадали, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада, монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

23 ноября 1917, Коктебель

Редкостная поэтическая публицистика. То есть, ее полно, конечно, и у демократов-разночинцев XIX века, и видимо-невидимо после той даты, которая проставлена под стихотворением «Мир». Но у Волошина поэзия перед публицистикой не отступает, как отступает перед ней проза у Бунина в «Окаянных днях».

Позже нечто подобное по напору, свирепости, прямой художественной доходчивости писал Георгий Иванов: «Россия тридцать лет живет в тюрьме, / На Соловках или на Колыме. / И лишь на Колыме и Соловках / Россия та, что будет жить в веках. / Все остальное — планетарный ад, / Проклятый Кремль, злосчастный Сталинград — / Заслуживает только одного: / Огня, испепеляющего его».

Но Иванов писал много позже, много дальше — в 40-е во Франции. Но как осмелился на такие проклятия такой своей стране Волошин, эстет-гал-

ломан, пастельный пейзажист, сочинитель мифической поэтессы Черубины де Габриаки, слегка-теоретический и снобистско-практический буддист, антропософ и платоник, путавший коктейльских пляжников венком на рыжих кудрях и тогой на восьмипудовом теле? Поразительна вот эта самая дата под стихами: усмотрел, не увлекся, как положено поэту, не закружился в вихре, как Блок. (У Волошина Россия не разделяет германцев и монголов, как в «Скифах», а объединяет их в общей борьбе против России.)

Раньше мне больше нравились другие волошинские стихи о революции — написанные с позиции «над схваткой», как в его «Гражданской войне»: «А я стою один меж них / В ревущем пламени и дыме / И всеми силами своими / Молюсь за тех и за других». Это начало 20-х, Крым уже прошел через террор Белы Куны и Розалии Землячки, жуткий даже по меркам тех лет. Власть в киммерийском краю Волошина менялась постоянно: «Были мы и под немцами, и под французами, и под англичанами, и под татарским правительством, и под караимским». В коктейльском Доме поэта спасались и от белых, и от красных. (Как странно видеть под одним из самых жутких и безнадежных русских стихотворений название места, ставшего привилегированной идиллией для будущих коллег Волошина, которые если и молились вообще, то только за себя.)

Волошин, в самом деле, был «над схваткой» и писал другу: «Мои стихи одинаково нравятся и большевикам, и добровольцам. Моя первая книга «Демоны глухонемые» вышла в январе 1919 г., в Харькове, и была немедленно распространена большевистским Центрагом. А второе ее издание готовится издавать добровольческий Осваг».

Бела Кун, правда, собирался Волошина расстрелять, но его защищало покровительство Каменева и Луначарского, а еще надежнее — тога, венки и прочие атрибуты существа не от мира сего, местной достопримечательности, городского сумасшедшего.

Годы войны Волошина изменили. Редкий случай: сделали наглядно мудрее. Но подлинная безжалостная пристальность поэтического взгляда, не подчиненная ни возрасту, ни стереотипам — там, тогда, в ноябре 17-го, когда он внезапно и сразу все понял и сказал.

Взгляд в упор — вернее и точнее, как часто бывает с первым впечатлением о человеке. Над схваткой — не получается.

Безусловная честность и простодушное бесстрашие Волошина, прошедшего через гражданскую войну, позволяли ему молиться за тех и за других. Позиция, чрезвычайно привлекательная, но человеку обычному, лишенному качеств истинного подвижника — недоступная. Еще важнее то, что она имеет отношение к самой фигуре подвижника, а не к окружающим обстоятельствам. «Все правы», как и «все неправы», «все виноваты», как и «все невиновны» — неправда.

Это осознать и понять очень нужно.

Нет истины в спасительной формуле «чума на оба ваши дома» — какой-то из домов всегда заслуживает больше чумы.

Попытка понять и простить всех — дело праведное, но не правдивое. Собственно, и самому Волошину такое полное равновесие не удалось: при всей аполитичности в жизни, при отважных хлопотах «за тех и за других», его стихи о терроре — все-таки стихи о красном терроре.

Невозможен такой нейтралитет и для его потомков. Каким «Расёмом» ни представляла бы сложная политическая или общественная коллизия, как бы правомерны и объяснимы ни были разные точки зрения, расёмоновский источник зла существует, вполне определенный, с именем и судьбой. Можно попробовать отстраниться, но тогда на нас не сидит и венки не держится на голове.

Волошин, к революции зрелый сорокалетний человек, поднимал тему искупления и покаяния. Эпиграфом к своему «Северовостоку» он взял слова св. Лу, архиепископа Турского, с которыми тот обратился к Аттиле: «Да будет благословен приход твой — Бич Бога, которому я служу, и не мне останавливать тебя».

Сам Волошин мог с основаниями писать: «И наш великий покаянный дар, / Оплавивший Толстых и Достоевских / И Иоанна Грозного...»: он хронологически и этически был близок к этим Толстым и Достоевским. Но именно такими, как у Волошина, отсылками к великим моральным авторитетам создан миф, с наглой несправедливостью существующий и пропагандирующийся поныне: мол, мы, русские, грешим и каемся, грешим и каемся. И вроде всё — индульгенция подписана, вон даже Грозный попал в приличную компанию.

С какой-то дивной легкостью забывается, что современные русские не каются никогда ни в чем.

Мы говорим и пишем на том же языке, что Толстой и Достоевский, но в самосознании так же далеки от них, как сегодняшняя афинянка от Сократа или нынешняя египтянка от Клеопатры.

Просит прощения за инквизицию и попустительство в уничтожении евреев Католическая церковь. Штаты оправдываются за прошлое перед индейцами и неграми. Подлинный смысл политкорректности — в покаянии за века унижения меньшинств. Германия и Япония делают, по сути, идею покаяния одной из основ национального самосознания — и, как результат, основ экономического процветания.

Когда речь идет о невинных жертвах, подсчет неуместен: там убили столько-то миллионов, а там всего лишь столько-то тысяч. Но все же стоит сказать, что российский рекорд в уничтожении собственных граждан не превзойден.

Тем не менее, в современной России никто никогда ни в чем не покаялся. При этом — считая своими Пьера Безухова и Родиона Раскольникова и прячась за них: знаете, мы, русские, такие — грешим и каемся, грешим и каемся. Все-таки те — они — совсем другие. То есть, конечно, мы — совсем другие.

Есть в медицине такое понятие — фантомная боль. Человеку отрезали ногу, а ему еще долго кажется, что болит коленка, которой давно нет. Нравственность Толстого, Достоевского, Волошина — наша фантомная боль.

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ

Осип Мандельштам

1891 – 1938

ЛЕНИНГРАД

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожиток, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда — так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей!

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург! я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Декабрь 1930. Ленинград

По радио пела Пугачева. Где не хватало, лишний раз добавляла в своем переводе: «Ленинград! Ленинград! Я еще не хочу умирать!». Где строчки были длиннее музыки, убавляла: «У меня еще есть адреса, по которым найду голоса». Надрывно, размашисто, безбоязненно, бесстыдно.

Через три десятка лет две девчушки с одним именем «Тату» спели формулу российского стоицизма, выведенную веками горя, мужества, крови, героизма, унижений: «Не верь, не бойся, не проси». У девочек там добавлено: «Не зажигай и не гаси» — в общем, о заветном девичьем.

Иллюстрация к известному тезису о преобразовании трагедии в фарс. Но пугачевская пародия еще и к тому, что Мандельштам — public figure, общественно заметное лицо. Коль скоро написал и обнародовал, должен быть готов — в том числе, и посмертно — ко всякой судьбе того, что написал и обнародовал. В литературе он такая же звезда, как на эстраде Пугачева, которая тоже обязана быть готова к бесцеремонности журналистов и фоторепортеров, коль скоро вышла на сцену.

Один из самых сложных вопросов искусствоведения — что является классикой? Что делает произведение классическим? Среди прочего, несомненно, череда испытаний — от переводов до анекдотов. Во что

только ни превращали «Гамлета» — а он все как новенький. Сколько ни пририсовывай Джоконде усы — Леонардо незыблем. Уж как отплясывают вприсядку русские аристократы в американском фильме «Война и мир», а остается от него Одри Хепберн, вознесшая Наташу Ростову еще выше. В «Анне Карениной», превращенной в комикс, героиня в мини-юбке за стойкой бара — все та же Анна, потому что Толстой запрограммировал ее на разные обстоятельства и многие века. На то и классический шедевр, чтобы быть неуязвимым и вечным.

Сопоставление жутковатое, но с точки зрения словесности закономерное: если Мандельштам пережил яму на Второй речке, переживет и эстрадные колдобины.

Такое понимание приходит с годами, а тогда, под радиопесню, я ощутил резкую горечь и обиду. За незащитного Мандельштама — хотя жива еще была вдова, но куда Надежде Яковлевне против Аллы Борисовны. И почему-то — за Ленинград. Москва мне была своя — через отца-москвича, родню, свою развеселую учебу в полиграфической богадельне на Садовой-Спасской. Питер же — совсем чужой. Ничего общего, кроме Балтийского моря, у нас с ним не было. Абрис: готика — классицизм. Цвет камня: красный — желтый. И так далее. Рига гордилась своим европейским обликом, образом советского Запада, у каждого рижанина водилась в запасе история, как его в Рязани, мол, спросили, а какие там у вас деньги. Кичились брусчаткой, петушками на церковных шпилях, перечным печеньем, черным бальзамом, уютными на фоне всесоюзных стекляшек кофейнями — классический провинциальный комплекс. Это как раз Рига, а не Питер, была тем углом, о котором сказано: «Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря».

Питер провинциальной глушью все-таки не был, даже в позднее советское время. О прежнем же Петербурге принято говорить лишь восторженно. Редко-редко попадется трезвое суждение. Георгий Иванов, всю свою эмигрантскую жизнь тосковавший по родному городу, посвятивший ему проникновенные строки в стихах и прозе, все же признается: «Петербург, конечно, был столицей, но... столицей довольно захудалой, если «равняться по Европе». Не Белград, разумеется, но и не Лондон и, если рассуждать беспристрастно, — скорее, ближе к Белграду».

Весь XX век Питер отставал от Москвы и безнадежно продолжает отставать. Ответ обреченности на городе и горожанах — от невоплощенной столичности. Через столетия ощутимо и болезненно аукается дикая затея возвести столицу на таких землях и в таком климате. Все держалось железной рукой — порядок, облик и достоинство, а едва поводья ослабли, начался распад, как и должно происходить на болоте под ветрами. Взглянуть на уличную толпу в Москве и Петербурге — те же лица, но на фоне московской бесстильной мешанины они выглядят натуральнее и оттого незаметнее, а из гармоничной ампирной колоннады выпирают, как персонажи «Ревизора». Будто рванула нейтронная бомба, а потом пятитонками с надписью «Люди» ввезли новое народонаселение. Так оно, впрочем, примерно и происходило.

Обитатель — отдельно от оболочки: как ее ни называй «Пальмирой» и «северной столицей». Примечательно выговаривание полного имени, непременно с отчеством — «Санкт-Петербург». Пушкин, Гоголь, Достоевский, Андрей Белый, Мандельштам обходились без «Санкта». Когда больше крыть нечем, хочется удлинить и принарядить титул, добавить важности антуражем.

Точно и жестко об этих именах у Лосева: «Родной мой город безымян, / всегда висит над ним туман / в цвет молока снятого. / Назвать стесняются уста / трижды предавшего Христа / и все-таки святого. / Как называется страна? / Дались вам эти имена! / Я из страны, товарищ, / где нет дорог, ведущих в Рим, / где в небе дым нерастворим / и где снежок нетаяющ».

Так же обдуманно путался в питерских наименованиях Мандельштам: одно в заглавии, другое в стихах. Надежда Яковлевна пишет: «Родной город Мандельштама — любимый, насквозь знакомый, но из которого нельзя не бежать... Петербург — боль Мандельштама, его стихи и его немота». И дальше, тоже тасуя названия: «Ленинград, уже чуждый Мандельштаму город, где для него оставалась близкой только архитектура, белые ночи и мосты». Эта триада составляла и составляет то ощущение имперского комплекса, которое испытывает каждый, попадающий в город. В мире безошибочно имперские места есть: Лондон, Вена, Вашингтон, Париж, Берлин (даже нынешний), Буэнос-Айрес. Но для России уникален Петербург-Ленинград, под обаянием которого жил Мандельштам, оставивший о нем самые звучные в XX веке строчки.

Уже осозная и переживая его чуждость, в стихотворении 1931 года «С миром державным я был лишь ребячески связан...» он, по сути, цитирует свою собственную прозу восьмилетней давности: «Самая архитектура города внушала мне какой-то ребяческий империализм». Но теперь тема детской завороченности подана без оттенка умиления: «Так отчего ж до сих пор этот город довлеет / Мыслям и чувствам моим по старинному праву? / Он от пожаров еще и морозов наглее — / Самолюбивый, проклятый, пустой, моложавый!» Это пушкинское: «Город пышный, город бедный, / Дух неволи, стройный вид, / Свод небес зелено-бледный, / Скука, холод и гранит».

В 30-е Ходасевич уже не смог бы, как в 16-м, назвать Мандельштама «петроградским снобом». Какой уж сноб, если в «Ленинграде» он использует лексику, которой прежде писал — в прозе — о посторонней и нелюбимой Москве: «скромные и жалкие адреса», «задыхался в черных лестницах». За десять лет до «Ленинграда» он еще произносил: «Воистину Петербург самый передовой город мира». Как же надо было измордовать и изуродовать классический облик, чтобы с ним связались «рыбий жир», «зловещий деготь», «мертвецы», «кандалы». Дикий звериный страх.

Надежда Мандельштам вспоминает: «На Невском, в конторе “Известий”, представитель этой газеты, человек как будто дружественный, прочел “Я вернулся в мой город” и сказал О. М.: “А знаете, что бывает после таких стихов? Трое приходят... в форме”».

И трое потом пришли, и Пугачева переврала с эстрады — вот что бывает после таких стихов.

ДИАГНОСТИКА ПО ПОЗВОНОЧНОМУ СТОЛБУ

Иосиф Бродский

1940 – 1996

ИЗ АЛЬБЕРТА ЭЙНШТЕЙНА

Петру Вайлю

Вчера наступило завтра, в три часа пополудни.
Сегодня уже «никогда», будущее вообще.
То, чего больше нет, предпочитает будни
с отсыревшей газетой и без яйца в борще.

Стоит сказать «Иванов», как другая эра
сразу же тут как тут, вместо минувших лет.
Так солдаты в траншее поверх бруствера
смотрят туда, где их больше нет.

Там — эпидемия насморка, так как цветы не пахнут,
и ропот листвы настойчив, как доводы дурачья,
и город типа доски для черно-белых шахмат,
где побеждают желтые, выглядит как ничья.

Так смеркается раньше от лампочки в коридоре,
и горную цепь настораживает сворачиваемый вигвам,
и, чтоб никуда не ломиться за полночь на позоре,
звезды, не зажигаясь, в полдень стучатся к вам.

1994

«Механизм посвящения самый разнообразный, — сказал Бродский, когда я спросил его об этом задолго до “Эйнштейна”, году в 90-м, — скажем, показываешь стихотворение человеку, а он говорит: “Ой, как мне нравится, посвети его мне”. Или как Ахматова сделала однажды: просто сказала “это мое” и сама надела посвящение. Может идти от содержания».

Идет от содержания.

Бродский всегда интересовался языковыми новшествами. В его стихах полно жаргона — как ни у кого из русских поэтов. В разговоре тем более: «чувак», «канать», «хилять» и т. п., лексикон его молодости. Новый сленг его тоже занимал. Помню обсуждение слова «тусовка»: Иосиф соглашался с его удобной многозначностью, хотя сам не употреблял. Порадовался каламбуру: «Не, тут только ипатьевским методом. — Чего? — Ипатьевским, говорю, методом надо. — Это

как? — Ипать и ипать!». Развеселился от моей московской зарисовки: «Салон красоты “Тюссо”. Профессиональный татуаж, пирсинг, перманентный макияж, мезотерапия, ботокс, обертывание, все виды эпиляции. Диагностика по позвоночному столбу. Рядом переговаривается пара: “Смотри, папик, по позвоночному столбу, давай пойдём”. Папик смотрит: “Ну, ладно, можно”. И вдруг страшно хохочет, почесывая голую волосатую грудь и что-то иное, не “Тюссо”, имея в виду: “Только, блин, осторожно!”». Несколько дней Иосиф отвечал на мои звонки: «Папик на проводе».

Однажды я ему пересказал выражение, надолго не задержавшееся в языке, но тогда приведшее Бродского в восторг: «ломиться на позоре» — ехать в общественном транспорте («тачку поймать не смог, пришлось ломиться на позоре»). Как раз в то время он доводил до конца эйнштейновское стихотворение и вставил выражение в финал. А в начало — посвящение.

Но главное все-таки в «Эйнштейне», надо думать, отражение наших частых разговоров того времени: что и как происходит на родине (или, по неизменной терминологии Бродского — «в отечестве»). Именно об этом: «Так солдаты в траншее поверх бруствера / смотрят туда, где их больше нет».

Не припомню телефонного или очного разговора в 90-е, чтобы Бродский не заводил речь о Ельцине, Чеченской войне, вообще российской политике. Такую линию его острого интереса есть смысл отсчитывать от точки, которую принял он сам.

В новейшей российской истории было время, когда казалось, что стихотворение «Пятая годовщина», написанное Бродским в 77-м к пятилетию его отъезда из России, принадлежит ушедшей эпохе. Но поэт видит резче и дальше. «Пятая годовщина» и теперь читается как репортаж.

«Там лужа во дворе, как площадь двух Америк. Там одиночка-мать вывозит дочку в скверик. Неугомонный Терек там ищет третий берег». По сути, пересказ выпуска новостей — сегодняшних, поскольку в 77-м Терек не искал ничего.

«Там при словах “я за” течет со щек известка». Речь, очень и очень похоже, о том, что называется творческой интеллигенцией.

«Там тот, кто впереди, похож на тех, кто сзади». За четверть века предсказание о первом лице государства.

«И карта мира там замещена пеструхой, мычащей на бугре». Бурные парламентские аплодисменты.

«Там вдалеке завод дымит, гремит железом, ненужным никому: ни пьяным, ни тверезым». Официально это именуется «нерентабельное производство», либо «задолженность по заработной плате».

«Там украшают флаг, обнявшись, серп и молот». Не флаг, так гимн.

«Но в стенку гвоздь не вбит и огород не полот». Цитата из министерского отчета.

«Там в моде серый цвет — цвет времени и бревен». Кто это сказал: серые начинают и выигрывают? («Город типа доски для черно-белых шахмат, / где побеждают желтые, выглядит как ничья»).

«Пятая годовщина», как водится в большой поэзии — не об этом. Главное — о поэте, о языке, о судьбе. «Мне нечего сказать ни греку, ни варягу. / Зане не знаю я, в какую землю лягу. / Скрипи, скрипи, перо! Переводи бумагу». Смирение и гордость, одиночество и свобода, надежда и тревога. Но ведь и о том тоже, неизменном во все времена российской истории: «Там говорят “свои” в дверях с усмешкой скверной».

Бродский от этой усмешки и уехал. Помню, как на конференции в Петербурге (2002 год) земляки поэта один за другим называли дату отъезда «печальной», с чем соглашаться не хочется. Поэтический глобус Бродского — беспрецедентно для нашей словесности — равен глобусу географическому. Нью-Йорк, Средний Запад, Мексика, Швеция, Париж, Англия и Новая Англия, не говоря о Венеции и Риме — не места проживания или пребывания, а художественные события, равноценные у Бродского явлению Петербурга-Ленинграда. «В каких рождались, в тех и умирали гнездах» — написал он не о себе. А о себе — в стихах о Риме: «Усталый раб — из той породы, что зрим все чаще — под занавес глотнул свободы». Отъезд 4 июня 1972 года был переездом из России в мировую культуру.

Из тех питерских выступлений, и многих других тоже, особенно после смерти, особенно после окончательного «не приедет», «не приехал», выступает явственный, хоть и не произнесенный, вопрос: «Как относился к родине?» Трепетно, трепетно относился. Поэт, написавший в показательно несправедливой ссылке стихотворение «Народ» («мой народ, терпеливый и добрый народ», «да, я счастлив уж тем, что твой сын!», «путь певца — это родиной выбранный путь») вряд ли нуждается в мировоззренческих пояснениях.

Здесь диагностика идет именно что по позвоночному столбу, по самой основе. Богатейший русский язык — язык эмигранта Иосифа Бродского, гражданина Соединенных Штатов Америки, похороненного в Венеции.

Да, цветы «там» не пахнут, и скопление дурачья — рекордное, но берусь утверждать, как растерянно и застенчиво был бы счастлив Бродский, когда бы узнал, что его стихи участвовали в психотерапевтическом возвращении к нормальной жизни детей, переживших в сентябре 2004 года трагедию в Беслане. О том, как она читала и обсуждала с бесланскими школьниками стихотворения Бродского, пишет учительница с пушкинским именем Эльвира Горюхина, озаглавив свои заметки: «Я твоя мама. Я ничего не боюсь».

СЕРДЕЧНЫЙ ПРИСТУП

Сергей Гандлевский

1952

Петру Вайлю

Цыганка ввалится, мотая юбкою,
В вокзал с младенцем на весу.
Художник слова, над четвертой рюмкою
Сидишь — и ни в одном глазу.

Еще нагляднее от поила жгучего
Все-все художества твои.
Бери за образец коллегу Тютчева —
Молчи, короче, и таи.

Косясь на выпивку, частит пророчица,
Но не содержит эта речь
И малой новости, какой захочется
Купе курящее развлечь.

Играет музыка, мигает лампочка,
И ну буфетчица зевать,
Что самое-де время лавочку
Прикрыть и выручку сдавать.

Шуршат по насыпи чужие особи.
Диспетчер зазывает в путь.
А ты сидишь, как Меньшиков в Березове, —
Иди уже куда-нибудь.

2001

Тут многое красиво сошлось — и фольклорная «Цыганка с картами, дорога дальняя...»; и песенка Таривердиева, памятная народу со времен рязановской новогодней сказки: «Начнет выпытывать купе курящее / Про мое прошлое и настоящее»; и пастернаковская «Вакханалия»: «На шестнадцатой рюмке / Ни в одном он глазу».

Гандлевский дозу уменьшил вчетверо, что делает честь скромности поэта — или все-таки говорит о лучшем, по сравнению с Пастернаком, знании предмета. Мало кто в русской — а значит, по понятным причинам, и в мировой — поэзии так достоверно доносит феномен пьянства. Чего стоит детально точное, физиологически скрупулезное описание: «Выйди осенью в чистое поле, / Ветром родины лоб остуди. / Жаркой розой глоток алкоголя / Разворачивается в груди». Семисложный глагол движется медленно и плавно, лепесток за лепестком раз-во-ра-чи-ва-ет-ся — разливаясь горячей волной после стакана, приступая к сердцу, обволакивая душу.

Однажды в Москве, для досадного извращения не где-нибудь, а на любимых Патриарших прудах, у меня случился приступ межреберной

невралгии. Потом врачи произносили и другие слова — «остеохондроз», еще какие-то, все равно это непонятно, а главное — произносили потом. Полдня я был уверен, что инфаркт. Что может так подняться в груди, как в кино показывают извержение вулкана?

Очень больно. Очень страшно. Очень убедительно.

Все близкие и дорогие мне люди так именно и помирали: отец, мать, Юрка Подниекс, Довлатов, Бродский. Не лучше же я их. Менее близкие и под машины попадали, и от рака умирали, но эти — непременно от инфаркта. Так что возникло ощущение чего-то вроде наследственности.

Уверенность была полная, оттого настроился на торжественный лад. Попросил Гандлевского: «Посвяти мне, пожалуйста, стихотворение». Он отвечает: «Посвящал уже». Напоминаю: «То не стихи были, а прозаическое эссе, а теперь я стихи хочу. И вообще, не торгуйся, пожалуйста, в такой момент». Он черство говорит: «Я подумаю». Попытался воздействовать: «Особо некогда думать. Давай, я тебя пока вином угощу». Стоим, пьем вино. Точнее, он пьет, а я даже слюну проглотить не могу от дикой боли. Повернуться не в состоянии, слова еле произношу, молчу, как Тютчев, чувства скрываю, скорбно настраиваюсь.

Приехали вместе в больницу, там мне сделали кардиограмму, с вызовом протянули. Объясняю: «Я же не понимаю ничего в этих зигзагах. Для меня можно хоть в коридоре от руки нарисовать». Тогда и сообщили про остеохондроз и межреберную. Переспрашиваю: «Извините, означают ли ваши слова, что я не помру?» Говорят: «Прямо сейчас нет, но вообще обязательно». Юмор, Зощенко, начинаю понимать, возвращаюсь к жизни.

Кое-как долетел до Праги, домой. Неделю играл в Кафку. Когда человек просыпается в виде насекомого, лежит на спине, лапками перебирает и перевернуться не может.

Очень больно. Очень смешно. Очень убедительно.

С трагедии сорвался и вытянул на фарс. Дистанция на бесконечность больше, чем расстояние от Москвы до Праги.

И в это время приходит стихотворение от Гандлевского. «Иди уже куда-нибудь». Пошел. Спасибо.

«ЧТОБ НИКОМУ, НИ НА ЧАС, НИ НА МИГ НА УМ НЕ ПРИШЛО ПОЖАЛЕТЬ»

О ее смертельной болезни знали. Как могли — берегли. Хотя сама Валентина Александровна не давала поводов жалеть себя.

Терехович начала работать в Белинке, когда в стране еще крепок был «железный занавес», а слово «иностраный» было чуть ли не синонимом «враждебный». Потом «железный занавес» пал. В судорогах перестройки, когда многие пребывали в отчаянии, она умела видеть на несколько лет вперед, и в те дни, когда российские библиотеки не получали в фонды ни единой новой книги, Валентина Терехович говорила об Интернете, on-line, «электронке». В Белинке она была первой, кто страстно хотел — и умел! — использовать возможности новых технологий доступа к информации. По сути она начала «компьютерную революцию» в главной библиотеке области. Отдел литературы на иностранных языках первым перешел на электронные каталоги, установил прочные связи с зарубежными библиотеками, начал книгообмен с библиотекой Конгресса США.

Валентина Александровна Терехович
(25 июля 1951 – 13 июня 2004)

А еще для многих она была... «французенкой». В. Терехович была «французенкой» не только по образованию (закончив факультет иностранных языков Свердловского пединститута), а — по своей глубочайшей любви к Франции, ее языку и культуре и по тому, как талантливо, разнообразными акциями и инициативами своего отдела сближала она Францию и Урал. Коллеги и по сегодня не могут понять — откуда в коренной уралочке этот французский шарм, позволявший легко, сердечно, как-то «по-домашнему» помогать общению французов с уральцами, а уральцев — с французами. Даже будучи уже тяжело больной, Валентина Терехович продолжала пестовать эту прекрасную заповедную зону франкофонии на Урале. Она как никто представляла социальную роль библиотек, понимала, что в любом регионе именно библиотека — центр языка, культуры и просвещения.

Она работала практически до последнего часа. Потому и не верилось, что может случиться самое страшное. Но оно случилось. Горько... Неправимо...

Ирина Клепикова,
заместитель редактора «Областной газеты»

Валентина Александровна была постоянным автором корпоративной газеты Белинки «NB». Ее публикации отличались изяществом стиля, самоиронией и гордостью за свое дело.

Посольство Франции в России, наш давний партнер по распространению французской культуры в массы, решило, по-видимому, поддержать деятельность Зала французской цивилизации и выделило мне персональную стипендию для прохождения месячной стажировки в библиотеках Франции. И вот, получив согласие университетской библиотеки города По принять меня, я отправилась в начале января осматривать достопримечательности департамента Атлантические Пиренеи и знакомиться с опытом французских коллег.

Что касается Интернета, это, пожалуй, единственная технология, в освоении которой мы обогнали французов. Ура! Они не могут пока предоставить бесплатно читателям возможность поиска в сети Интернет, в полнотекстовых базах, с копированием найденных материалов на бумаге или диске. Конечно, американцы ведь им не помогают и не оплачивают, как нам, эту новейшую технологию.

Пolemические заметки // NB. 1998. № 2. С. 3

Возраст берет свое — потерь все больше, острота восприятия притупляется. Сколько их уже, что ушли...

Но одно лицо вдруг решительно выходит на передний план, оттесняя другие. Ослепительная улыбка, незабываемый смех, хрипловатый голос. Это Валя. Это сила, дерзость, напор в хрупком до жалости теле. Это мощный энергетический импульс. Это надежный тыл, плечо друга: расспросит, накормит, поделится последним. Мы все, и ближний, и дальний круг, как бы ее дети, племянники, требующие постоянной заботы и опеки. Эмпатия, доходящая до самозабвения. Отдавать, сжигая себя. Быть в ответе за все и за всех, попадающих в ее орбиту. Видели вы еще таких людей в наше скудное время? Валя неповторима в принципе. Но это скорее личное.

А главный ребенок (Валера, прости), любимое детище все-таки была она, библиотека. Точнее, ИНО. Уже в тени незабвенной Пальмиры Петровны видно было, какой боец поднимается на смену. Спорить до хрипоты, убеждать, отстаивать, пробивать. Эти хрупкие руки держали молоток и забивали гвозди, потому что больше некому. А считать тонны и штабеля перенесенных ею книг? Не щадя себя, не щадя других. Вспомнить все ею придуманные и воплощенные ее руками интерьеры. Приходили со всего города разные люди: школьники, бомжи, программисты. Ради нее. Раскатывали ковры, ворочали мебель, мыли стены. Она так любила угощать: какие были посиделки и беседы после праведных трудов в той же библиотеке. Бедная голодная француженка Франсуаза Проно в каморке под лестницей, после проведенных занятий, в качестве гонорара поедающая единственный Валин бутерброд «согласно законам гостеприимства». Ту же Франсуазу Валя, не щадя себя, таскала, беспомощную, по нашим больницам и знакомым врачам. Это теперь — Альянс, а тогда было почти все на энтузиазме. Заезжие французы были ей как родные, и при всей своей национальной специфике платили часто тем же: аристократ Дю Валь дважды подарил ей Францию. Ее французские приключения достойны отдельной книги! Юмор, риск, азарт, бьющая ключом радость жизни, и при этом безупречный вкус, элегантность, воплощенная женственность. И интеллигентность: как бы ни было трудно по жизни, на всё улыбка, смех и самоирония.

Новая Белинка унесла немало здоровья, уже последнего. Затянувшийся ремонт, стена равнодушия, она одна (так получилось) болеет за

дело... Тяжело вспоминать то время. Но ведь получилось! Хуже, лучше, не совсем как хотелось и уже во многом после. Все равно в первую очередь это памятник нашей Вале. Гений этого места по-прежнему здесь незримо присутствует. Пусть так будет всегда...

Людмила Ивкина,
преподаватель французского языка

20 марта все франкоязычное население земного шара празднует Всемирный день франкофонии....

В программе Декады французской культуры франкоговорящие читатели смогли познакомиться с фильмами двух ранее неизвестных канадских режиссеров: Дени Аркан и Жан-Клод Лозон... неподражаемая звезда французского современного балета Карин Сапорта в сопровождении журналистки из газеты «Монд» почтила вниманием заседание французского клуба...

Французский – он и в Белинке французский // NB. 1998. № 3. С. 3.

Прости меня, дочь. Не по кофейням я отиралась, и не разговоры с культурной публикой вела. Слышала бы ты разговоры мои с французским грузиком! Языком чесала, откуда только запас терминов эротико-порнографических появился? Никаких этико-эстетических проблем! Лишь бы карту телефонную дал, да на 20 франков раскошелился за эту «беседу»! фандрайзингом занималась. Выхода другого не было...

Из опыта небиблиотечного фандрайзинга. Как возвращаются российские библиотекари из зарубежных командировок // NB. 1998. № 6. С. 4.

Замечательная французская традиция отмечать в конце октября Праздник чтения свято соблюдается в отделе и каждый раз становится событием в городе. Особенно известны наши ретроспективы французского кино. В этом году показали фильмы с участием самых известных французских актеров: Изабель Аджани, Жюльет Бинош и Анук Гринберг. В общей сложности количество посмотревших фильмы в ходе французской недели достигнет предположительно отметки 500. в нашем зале французской цивилизации, как и в самой Франции, мероприятия по продвижению французской культуры проводятся бесплатно. Посольство Франции, взяв это на заметку, приготовило очередной дар, который предстоит вывезти – 70 французских видеофильмов.

Уроки французского // NB. 1998. № 9. С. 2.

Попросили написать о Терехович. Как Терехович жила, 100 миль в час, так и написать о ней захотелось. С чего же начать? С того, что без нее я просто не была бы, кто я есть. Без преувеличений, в буквальном смысле — практически и теоретически она меня сотворила.

Могу рассказать об огромном чувстве вины — как я не успела ответить ей на последний e-mail. Могу похвалиться, что яблонька, которую я посадила в ее память, начала в этом году приносить плоды...

Третий день был посвящен теме «Электронная доставка документов» (ЭДД), ради которой я и вытросила командировку. Два года назад на семинаре в Штутгарте, еще неразвернутая Интернетом, я делала доклад по проблемам доступа к зарубежной информации. Библиографию с рефератами еще можно было, поднаторжившись, добыть, полный текст оставался недостижимым для нас.

За два года фонды российских библиотек стали еще беднее...

И тут, как «луч света в темном царстве», появился на горизонте зав. отделом АСУ ИНИОН Виктор Глухов со своим докладом на Крымской конференции и статьей в журнале «Библиотека». Я влюбилась сразу и безоговорочно и вступила с ним в электронно-почтовую связь.

Уже 2 месяца мы получаем из ИНИОН сканированные тексты для наших читателей. Срок выполнения заказа — от 2х дней до 2х часов.

Семинар «Практический Интернет для библиотечных работников» // NB. 1998. № 11. С. 3.

Я помню, как я впервые ее встретила — показывала она нашу библиотеку министерскому работнику. Вечером, тихо в краеведческом отделе, читатели подшивками газетными подолгу шелестят. Я на единственном тогда отделском компьютере играю в инопланетные игры, десятый уровень одолела, если читатели не появятся, я, пожалуй, до восьми часов и на одиннадцатый перейду. Я даже не успела ойкнуть, как они появились. А через пару месяцев она вдруг, в вестибюле, предложила мне пойти работать к ней в отдел. Как же я могла отказаться? Даже ее «ну смотри, Шабалина, не подведи» не испугали. И началось, и понеслось — курсы английского языка, томные интеллигентные иностранки, переводы, англо-франкофония, глянцевики журналы, умные книги, словари, произношение, Майкл, Интернет, базы данных, конференции, Валерочка и Риточка, читатели с заковырыстыми запросами, ответы на которые можно было найти только в Medline, семинары, курсы.

За всем этим всегда стояла Терехович. Со стороны могло показаться, что она меня, как и всех в отделе, отпустила в свободный полет. Наверное, так и есть, но тем не менее ее «100 миль в час», вечная неудовлетворенность и неутомляемость часто «заворачивали» ее в сторону Интернет-центра. Без нее не было бы всех этих баз данных, электронных каталогов, семинаров.

Я так рада, что меня попросили о Терехович и о себе написать. Скажу прямо — это большая честь.

*Ирина Свифт (Шабалина)
работала в отделе литературы
на иностранных языках
с 10.01.96 по 27.02.02.*

*Сейчас живет
в Великобритании.*

Ирина Свифт

Французский клуб проявил необычайную активность в декабре. 4 декабря франкоязычные сотрудники и читатели отдела вступили в оживленную дискуссию с «живыми» французами Жан-Марком Гимье и Фани Лоран по поводу взглядов маркиза Де Кюстина на Россию вообще и на русских женщин в частности.

Второе не менее интересное заседание Французского клуба, состоявшееся 18 декабря, было посвящено событиям 30-летней давности, всколыхнувшим всю Францию, а затем и весь мир. Псевдореволюция 1968 года. Май 68. что это было?

Следующее заседание клуба планируем посвятить пристальному рассмотрению очередных даров французского посольства, если господин Новичев их благополучно до библиотеки довезет. Дары в количестве 5 коробок из Посольства Франции оставлены в Москве на Андрея Витальевича, подвернувшегося под руку и проявившего искреннее желание избавить даму от непосильного груза.

Parle-vous Francais? // NB. 1998. № 11. С. 5.

Радуйтесь и ликуйте, носители французского языка и те, кто еще намеривается его изучить и понять, наконец, суть французского образа жизни!

Атташе Посольства Франции Патрик Ренаф, влюбленный в новые технологии, добился покупки для читателей двух прекрасных компьютеров и их установки в читательской зоне. Прекрасная коллекция CD-ROM стала, наконец, доступна всем. Приходи и пользуйся... Что взять? Что познавать? Французскую кухню или французское искусство? Французские вина? Или просто углублять знание французского языка не в одиночку, а тет-а-тет с таким красивым и умненьким компьютером. И все – бесплатно.

Present // NB. 2001. № 3 (38). С. 3.

Наталья Валерьевна Нохрина работала в отделе литературы на иностранных языках с 06.06.94 по 31.07.2001. Сейчас возглавляет библиотеку Уральской государственной архитектурно-художественной академии.

Когда я вспоминаю о Вале (так звали ее мы за глаза, хотя для нас она всегда была Валентина Александровна), думаю — какое счастье, что судьба свела меня с ней. Валентина Александровна всегда опекала своих сотрудников — и в профессиональном, и в личном. Всегда стремилась, чтобы человек реализовал свои способности, и чтобы при этом выигрывало общее дело — отдел, библиотека, читатели. И в отдел людей подбирала таких, у которых эти способности присутствовали. Поэтому и состав отдела нередко называли «звездным».

Сама была примером служения своему делу. Расстраивалась, когда ее идеи не находили поддержки у нас, но при этом у всех, кто работал в отделе, прочно сформировывалось убеждение, что работать надо только так — творить, придумывать, двигаться вперед, а не отсиживать рабочие часы.

При этом всегда считала, что у нас, ее девчонок должна быть личная жизнь — семьи, дети. Переживала за нас, поддерживала, шла навстречу всем проблемам.

Наталья Нохрина

20 апреля с перерывом в три с половиной года нашу библиотеку вновь почтил своим вниманием Посол Франции в России – господин Юбер Колен де Вердьер.

Предложение французской стороны создать Французский культурный центр на базе отдела литературы на иностранных языках уже обсуждалось. Теперь посол оценил наши площади и нашел их пригодными для выполнения такой прекрасной задумки. А как уж мы будем ее осуществлять, это наша проблема. Проблем будет много, но о них позднее.

Он по-французски совершенно мог изъясняться и писал // NB. 1999. № 4–5. С. 11.

22 октября в 12.30 госпожа Ветрова и атташе Посольства Франции в России по сотрудничеству в области французского языка господин Верже в торжественной обстановке подписали Меморандум об открытии вышеупомянутого Центра при Министерстве культуры Свердловской области в помещении Белинки.

Спутниковая антенна в XVIII веке // NB. 1999. № 9–10. С. 2.

Наш региональный центр французского языка и культуры решил в этом году отойти от традиционной схемы празднования Международного дня франкофонии (отмечается с 1970 года) и приурочил к нему Первый в истории концерт французской классической музыки в фойе библиотеки (22 марта). Наши опасения, что серьезные читатели библиотеки будут недовольны мешающей им музыкой, рассеялись, как дым, как только заиграла на скрипке руководитель ансамбля Эсмеральда Миронова.

Звуки музыки // NB. 2002. № 2. С. 3.

Большая задача на время летнего затишья — подготовка всего англоязычного и немецкоязычного фонда книг к открытому доступу, по примеру французского. Переждем ведь, в конце концов, через год-другой, как вы думаете? Тогда уже поздно будет готовиться. Вот и клеим наклейки на весь фонд поштучно. Клеят все, юные леди и заслуженные дамы, клеят школьники во время практики, клеят библиотечные дети и даже, не поверите, один джентльмен, проживший лет пять в Франции и вернувшийся в родной город, переполненный желанием клеить этикетки на книги «за бесплатно». И все с легкой руки нашего директора. Не верите — приходите посмотрите.

«Терескотч» // NB. 2002. № 5 (47). С. 2.

3 марта Екатеринбург во второй раз посетил Посол Французской республики господин Клод Бланимезон. Когда мы впервые узнали, что сам посол приедет на открытие Французского читального зала в начале марта, мы не совсем в это поверили: слишком важная он персона, чтобы два раза в год посещать нашу библиотеку. Торопились, конечно, все перевезти, расставить, облизать, причесать. С каким трудом это все удалось сделать, сейчас уже забылось, но внешний вид Зала Посол оценил....

На территории Французского читального зала открылось бюро Французского Альянса, руководимого Патриком Ренафом, и даже представительство «EduFrance».

Большие маневры Французского посла // NB. 2003. № 1 (50). С. 4.

11 июня открылся для читателей отдел литературы на иностранных языках. Не все, конечно, успели: то стеллажей не хватало, то денег, то антенну спутниковую некому было протянуть.

Французский читальный зал получился. Поразил своей красотой даже нашего гостя (Жан-Жака Донара), директора медиатеки Французского культурного центра в Москве. Донар и дал ему публично звание самого красивого французского читального зала в России.

Воспоминания у парадного подъезда // NB. 2003. № 2 (51). С. 2.

Очень часто вспоминаю свой первый рабочий день в отделе. Валентина Александровна провела меня по всей библиотеке, всё рассказала, везде представила. Потом очень тактично рассказала о будущих коллегах, предупредив какие-то неловкости и неприятности, которые неизбежны в процессе привыкания на новом рабочем месте. Уже позже я поняла, что это удивительная черта её личности — забота о других. Сотрудники служебного абонемента, наверное, помнят, какой толстый был у неё формуляр, какие только книги и журналы она ни брала! Как много людей с благодарностью вспоминают её сегодня! И этим она тоже учила нас: вы работаете с книгой, значит, ваша задача, чтобы она была доступна тем, кому нужна. А если нужна ваша помощь, не ждите, когда вас о ней попросят, предложите её сами.

Твёрдо знаю одно: кто работал с Валентиной Александровной, помнят её заботу о своих сотрудниках, она заботилась о нас, как родной человек. Все наши проблемы, радости, переживания, жизненные перипетии — всё находило отзыв в её душе. Как она выбивала нам повышение зарплаты, как боролась за дополнительную ставку — это просто были подвиги Жанны д'Арк! Хочу вспомнить один эпизод, очень показательный: это было в те времена, когда были премии, причём достаточно регулярные. На отдел выделялась определённая сумма, делить должны были руково-

Ольга Альбертовна Навалихина работала в отделе литературы на иностранных языках с 01.03.89 по 08.12.04.

Сейчас живет в Санкт-Петербурге.

Для широкого круга любителей французской культуры, мысли, искусства открыты три выставки. Хорошо известный в Екатеринбурге и Голландии Ильдар Зиганшин представил публике свою выставку фоторабот «Парижские странички».

Выставка шикарных французских альбомов «Санкт-Петербург: Гениальность, безрассудство и поэзия Северной Пальмиры», задуманная посольством как передвижная, по ошибке или чудом досталась нам насовсем...

Выставка книг на русском языке, известных в России по программе «Пушкин», была задумана как «звездь» программы. Программа «Пушкин» была придумана посольством Франции и работает в России с 1992 года. Французская сторона берет на себя часть расходов по переводу на русский язык и изданию шедевров французской литературы. Публика, особенно студенты и аспиранты, при сдаче своих кандидатских и прочих минимумов, жаждают параллельного текста на двух языках. На нашей выставке можно подобрать необходимые издания и спокойно готовиться к сдаче экзаменов: классные переводчики уже все перевели.

Издатели Екатеринбурга еще могут выбрать французские новинки, еще «ждущие» перевода, и издать эти книги с помощью французов.

Французский шик // NB. 2003. № 4 (52). С. 3.

дители отделов. Тогда я была новенькая, и зарплата у меня была самая маленькая. Представьте моё удивление, когда я получила самую большую премию! Валентина Александровна предложила разделить премию так: у кого зарплата больше — премия меньше и наоборот. Это было так по-человечески трогательно и очень приятно.

Когда я сегодня читаю статьи о начальниках, о компетентности, я всегда с радостью думаю о том, что мне повезло: у меня был начальник — не только профессионал высокого класса, но и человек редкой души, обладающий редкими нынче качествами — добротой и заботой о ближнем. Валентина Александровна не только научила нас профессии, она научила нас человеческим отношениям в этой профессии. Научила собственным примером. И пусть эта традиция человечности остаётся ...

Ольга Навалихина

Наконец-то сбылась мечта ... Вышел в свет каталог книг «Библиотека Фан-дер-Флита в Екатеринбурге: Коллекция книг на иностранных языках из фондов СОУНБ и НБ УрГУ». У меня это событие вызвало только вздох облегчения. Родовые схватки длились так долго, что дитя перестало быть желанным...

Многим давно известно, что в Екатеринбурге с 1920 г. хранится библиотека Царскосельского (Александровского) лицея. Менее известно, что в составе библиотеки существует отдельный фонд — библиотека Федора Тимофеевича и Николая Федоровича Фан-дер-Флитов, выпускников лицея. В 1899 г. после смерти Николая Федоровича Фан-дер-Флита его вдова передала семейную библиотеку в дар Лицею. Библиотека включала 1814 названий. В 1900 г. был издан печатный Каталог, сохранившийся до наших дней.

В 1920 г. лицейская библиотека, а с ней и библиотека Фан-дер-Флитов, оказалась в Екатеринбурге. К сожалению, библиотека дробилась, меняла владельцев. В настоящее время известно, что большая часть этих книг хранится в Белинке и библиотеке УрГУ. На каждой книге в левом верхнем углу внутренней стороны переплета или обложки наклеен эксlibрис: прямоугольная марка 50х60 мм, отпечатанная типографским способом. Внутри рамки — текст: «Библиотека Ф.Т. Фан-дер-Флита. Шкаф... Полка... №...».

Библиотека интересна прежде всего личностью отца и сына Фан-дер-Флитов...

Наиболее ранние книги из библиотеки Фан-дер-Флитов были изданы в конце XVIII в. В библиотеке УрГУ — это несколько изданий 1770 г., у нас — удивительное парижское издание «Метаморфоз» Овидия 1768 г. В русской цензуре был незыблемым запрет на книги, приоткрывающие тайны двора, рассказывающие об исторических путях России. Книги русских авторов, изданные за рубежом (в Лондоне, Женеве, Париже), попадали в Россию и оказывались в домашних библиотеках. На этих книгах сверху титульного листа сделана запись: «Запрещена».

Мечты сбываются. Фан-дер-Флит на уральской земле // NB. 2003. № 5 (53). С. 3.

*Наталья Сергеевна Нечаева
работает в отделе литературы
на иностранных языках
с 07.1999.*

Вместе с Валентиной Александровной Терехович я работала около пяти лет. Не так долго, как другие в Белинке, но вполне достаточно, чтобы понять, что мне удивительно повезло работать вместе, быть рядом с ней, человеком необыкновенно обаятельным, талантливым, незаурядным, и как же мало оказалось этого счастливого и трудного времени — всего пять лет.

Она без тени сомнения доверяла вновь пришедшим девочкам задания «на вырост», и девочки, действительно, «росли» на глазах, поддерживаемые ее верой в них, стараясь не обмануть ее ожиданий. Такой стиль работы был возможен, потому, что Валентина Александровна знала до мелочей, чем заняты ее сотрудники, и предлагала свою помощь, еще до того, как возникала в ней необходимость. Благодаря ее фантастической трудоспособности, таланту, неординарности, упорству, воплощалась в жизнь большая часть того, что было ею задумано.

Это было счастливое время, наполненное, ёмкое, многообещающее. Валентина Александровна умела привлекать интересных людей, общаясь с ней, вы мгновенно попадали под обаяние ее голоса, ее иронии, ее интересы лично к вам. Едва ступившие на русскую землю ассистентки-франуженки сразу же чувствовали в ней родного человека, шли к ней со своими проблемами и обидами. Она так умела увлечь своими идеями! Даже обучение читателей пользованию электронным каталогом превращалось в агитационный мини-спектакль. И еще были её истории, рассказы о себе и о жизни, и еще были стихи, настоящие, такие, от которых перехватывало дыхание.

Она последний раз уходила из библиотеки домой, было холодно и ветрено, я вызвалась проводить, поймать машину. Машины, как нарочно, долго не останавливались, идти ей было трудно, но она шла прямо, не сгибаясь: маленькая, хрупкая, непокорная, как шла всегда: своей дорогой, наперекор ветрам.

Наталья Нечаева

Когда меня спросят какую тропой
Я дальше идти собираюсь,
И так ли уж мало стоит покой
Отвергнутый, попытаюсь
Заставить свой робкий корявый язык
Так дерзко, уверенно спеть,
Чтоб никому, ни на час, ни на миг
На ум не пришло пожалеть
Меня, у которой лишь ветер в башке,
Которая в небе витает,
Которая строит свой дом не песке,
Которая меры не знает.

Я вспомню тот запах полыни и пыли,
Которым встречал Сухой Лог,
Куда мы зализывать раны спешили
От первых потерь и дорог.

Абхазских кофеен густой аромат,
Безбрежную синь Кобулетти
И дамб Туапсинских суровый парад,
Покорно тонувших в рассвете.
И гордую древность Тбилисских кварталов,
Повисших над мутной Курой,
Аршанских камней, водопадов, обвалов
И Терека рокот и вой.

И Горьковский сквер, в снегу утонувший,
И кленов свердловских осенний наряд,
И маленький город Кинешму, уснувший,
Казалось, столетие назад.

И бурные ритмы, и спешку столицы,
Обрывки речей, и мелькание глаз.

И в память ворвутся улыбки и лица,
Казалось, забытые тысячу раз.

Все то, что однажды восторгом и дрожью
Пронзило мне сердце и вылилось в кровь,
Живет.

И теперь посреди бездорожья
Я знаю: название той дрожи – любовь.
Пусть тот, кто такого восторга не ведал,
Насмешливо губы кривит,
Но бегство мое – не потеря – победа,
Не хайте мой бледный вид.

Уляжется боль и забудется зло,
Вернутся и краски и звуки.
Мне просто отчаянно повезло,
Что так безотказны руки.

Молюсь, чтоб хватило на жизнь этих рук,
Хватило души на чувства,
Ума – на прощенье обид и разлук,
А сердца – на безразсудства

В. Терехович

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРИСТРАСТИЯ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГЕРОИ

У выставки «Пушкин – к водке, Гоголь – на сладкое. Литература в фантиках и этикетках конца XIX – начала XXI века» было два сюжета: собственно история этикетки и отражение в продуктах питания и прочих товарах – через этикетку и упаковку – литературной и читательской истории страны.

Явление, условно названное «литературным» фантиком, не оценивалось как китч, по аналогии с выставками «Пушкин и Гете как объекты китча», которая была представлена публике в Государственном музее А. С. Пушкина в 1999 году, или «Под знаком Пушкина», собравшей в выставочном зале Библиотеки им. В. Г. Белинского в 2006 году значки, плакаты, открытки. Больше не хочется спрашивать, коробит ли публику портрет классика на спичечной коробке или дамской сумке и не занимаются ли реклама, да и библиотеки и школы в юбилейные годы, святотатством. Востребованный читателями литературный текст редко бытует в неизменном виде и воспринимается исходя из некоторых норм «правильного понимания». Образы популярных романов и рассказов становятся частью повседневной жизни, и литература не может существовать как памятник самой себе.

Более всех писателей в российской пищевой промышленности популярен А. С. Пушкин. С конца XIX века, по мнению Турхана Махмудова, гендиректора брендингового агентства BBDO Moscow, «имя Пушкина автоматически придает продукту классический имидж и наделяет его узнаваемостью» (по материалам агентства «Прайм-Тасс»). Пушкин для многих представляет вне зависимости от реального читательского опыта русскую литературу в целом, ее лучшие достижения и как национальный писатель обречен стать героем анекдотов, мифов, разного художественного уровня новых произведений и вещей, будь то экранизация, комикс или настенный коврик.

Обостренное внимание к литературным героям и писателям — во время юбилейных торжеств. Оценки юбилейно-рекламных компаний самые разные. «Я не думаю, что массовая культура, которая возникает на волне юбилеев, способствует пробуждению интереса к поэту», — заметил в интервью газете «Невское время» (1999. 8 июня) директор Всероссийского музея А. С. Пушкина Сергей Михайлович Некрасов. Директор историко-литературного музея-заповедника А. С. Пушкина «Захарово-Большие Вяземы», Александр Рязанов оценивает явление иначе: «Если на бутылке водки написано «Александр Сергеевич Пушкин», это, конечно, вызывает улыбку или какое-то негодование. Но, с другой стороны, хоть так-то люди узнают, кто такой Александр Сергеевич Пушкин».

Поздняев М. Пушкин
наше все ... и кое-что
еще // Новые
Известия. 2006. 9 июня

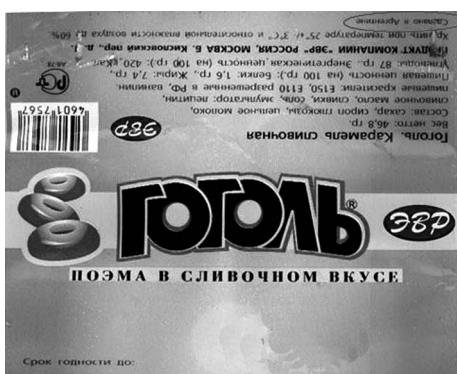
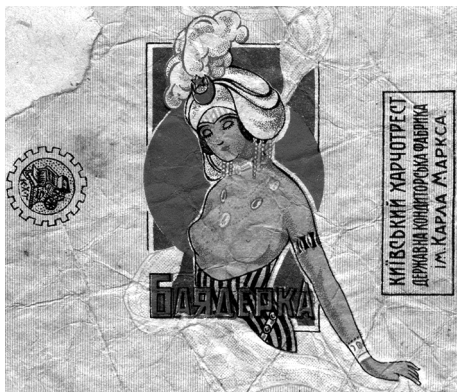
Заглавный сюжет выставки предполагал, что «литературная» этикетка одновременно и эксплуатирует культурное наследие, и рассказывает о нем, формирует корпус его основных текстов, выявляет устремления общества, его любимцев, героев времени, среди которых писатели и их персонажи могут занимать не последнее место. Этикетка не просвещает и не прививает любовь к чтению или конкретным произведениям, но выявляет уже сложившийся в культуре — на уровне нации и региона — пантеон литературных авторитетов, культурных героев, является свидетельством массового литературного опыта.

Более ста лет российские производители конфет и алкогольной продукции обращаются к миру литературы как источнику образов, объединяющих нацию или отдельные ее группы. Название марки и сорта промышленно произведенного продукта — итог идеологических и культурных воззрений и, конечно же, литературной моды. Герой Юрия Олеши Андрей Бабичев в пьесе «Заговор чувств» (1929) говорит о названиях для конфет и героях нового времени и о воображении, необходимом чувстве меры и даже такта:

Да, я мечтаю о героях. Я хочу, чтобы колбасники были героями, понимаете? Мой брат Иван ищет героев. Я тоже ищу героев. Понимаете? А между тем... меня окружают сотрудники, отличающиеся тем, что каждый из них стремится идти по линии наименьшего сопротивления... А я требую энтузиазма... (Увлекается, встал, говорит, как перед аудиторией.) Вы знаете случай с Прокудиным? На днях он выпустил рябиновую пастилку, и знаете, как он ее назвал? «Роза Люксембург». Как вам это нравится? Мне противен товарищ Прокудин, потому что он идет по линии наименьшего сопротивления... Если товарищу Прокудину придется придумывать название для нового сорта тифозков, то товарищ Прокудин назовет их «Заветы Ильича». Слова, которые однажды были написаны кровью, товарищ Прокудин напишет сахаром. Это есть линия наименьшего сопротивления. На прошлой неделе выпустили двенадцать сортов шоколадных конфет. Товарищ Прокудин предложил названия: «Шантеклер», «Бой бабочек» и, если не ошибаюсь, «Одалиска». Товарищ Прокудин предлагает назвать советскую конфету «Одалиской» — как вам это нравится? У него есть только одна линия: на одном конце линии — «Роза Люксембург», а на другом — «Одалиска». Это и есть линия наименьшего сопротивления. А между тем я говорил: названия должны быть от науки. Чтобы серьезно. Но чтобы звук был заманчивой. Есть поэтические науки, правда, Шатило? География, астрономия... Вот и надо было назвать «Эскимос», «Телескоп», «Экватор».

Олеши Ю. Заговор чувств : сцены из пьесы // Октябрь. 2004. № 5. С. 72–73.

Знание об определенных — классических, современных, популярных — текстах в широких читательских слоях сопряжено с разными требованиями образованности и хорошего вкуса, когда имя классика или современного писателя символизирует некоторый желанный или достигнутый культурный уровень. Как бы ни была дискредитирована литература как социально-культурный институт и индустрия, литература как вид искусства сохраняет репутацию культурной ценности и важной части жизни общества.

Литературные образы могут кочевать из романа в роман, из литературы на оперную сцену и киноэкран: многие продукты в дореволюционные времена получили свои названия в честь знаменитых опер, связанных с не менее знаменитыми фольклорными и литературными текстами, а в наше время на названия и оформление продукции влияют экранизации. Конфета «Баядерка» получила свое название в честь героини балета Людвига Минкуса, Мариуса Петипа и Сергея Худекова, вдохновившихся драмой индийского писателя Калидасы «Сакунтала» и балладой Гете «Бог и баядерка». «Шантеклер» — пьеса Эдмона Ростана, разыгравшего драму в масках зверей (1910). Шантеклер — герой-петух — почти сразу попал на конфетные фантики. Постепенно литературное и даже театральное происхождение названия и оформления забывалось, но тогда и само название конфеты исчезло.

По имени героя повести Н. В. Гоголя названы рестораны, борщи и теплоходы, в Беларуси изготавливают одиннадцать видов вареников «Тарас Бульба», даже с творогом и карамелью. Более друтих прославилась конфета «Тарас Бульба», что уже несколько десятилетий выпускается в Одессе. На выставке был представлен фантик от карамели «Тарас Бульба» дореволюционных времен с изображением героя, а также обертка современной московской карамели «Гоголь» со вкусом ириски и девизом «поэма в сливочном вкусе». Некоторые отдельные примеры создания современных марок конфет показывают, что отсылки к миру литературы воспринимаются в устойчивой связи таких определений, как сказочный, приятный на вкус, дающий наслаждение.

По этикеткам с винных и водочных бутылок можно познакомиться с литературными героями того или иного региона. На родине Н. Г. Чернышевского в Саратове выпускали одно время водку «Что делать?», в Новгороде фирменный напиток — водка «Садко», в Туле — «Левша», в Свердловской области производят пиво «Каменный цветок». В Ставропольском крае, в Пятигорске и округе, изготавливают вина, посвященные Михаилу Юрьевичу Лермонтову. На выставке показывалось несколько этикеток Лермонтовской коллекции вин ООО «Машук». Как сообщается на сайте компании, «вина вобрали в себя то, что когда-то вдохновляло поэта, к тому же они такие же романтические, чувственные, как личность М. Ю. Лермонтова». Так бутылка вина или водки может восприниматься не только как региональный гастрономический, но и как литературный сувенир. То же происходит и с конфетами: «Чук и Гек» выпускаются в Курске, а серия «Песни Кольцова» — в Воронеже, в родных местах писателей. Литературные образы выступают гарантом качества как во вкусовом отношении («сказочный вкус»), так и в культурно-историческом.

Исследователи дореволюционной упаковки говорят, среди прочего, о просветительских задачах, которые ставили себе производители кондитерских изделий. Загадки, стихотворения, мудрые и полезные изрече-

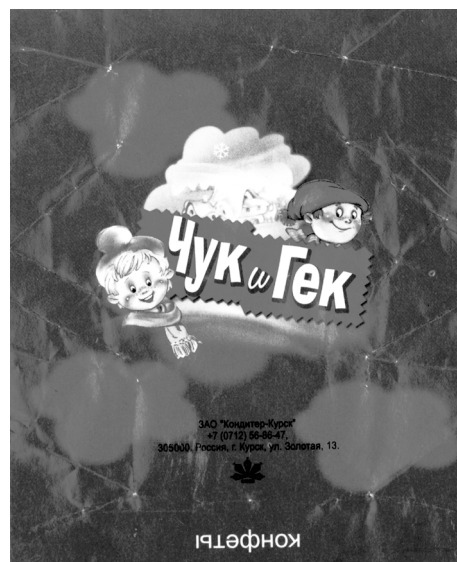
Собираение и игра в конфетные фантики многое значили в мире детских игр и занятий.

В честь героев Гайдара Чука и Гека ЗАО «Кондитер-Курск» назвало конфету (писатель родился в Курской области). Но и знаменитые мальчишки были равнодушны к сладостям и фантикам:

«У запасливого Чука была плоская металлическая коробочка, в которой он хранил серебряные бумажки от чая, конфетные обертки (если там был нарисован танк, самолет или красноармеец), галчиные перья для стрел, конский волос для китайского фокуса и еще всякие очень нужные вещи».

ния, портреты писателей и сведения из истории и географии на обертках воспринимаются как средство и привлечения покупателей, и порой — их просвещения или обучения, когда речь шла о детях. Из оберток XIX — начала XX века на выставке были представлены русские этикетки с загадками и наставлениями, портретами Н. В. Гоголя и И. И. Лажечникова, сценами из опер «Мазепа» П. И. Чайковского и «Аскольдова могила» А. Н. Верстовского по роману М. Н. Загоскина, написавшего также и либретто оперы. Конечно, подборка случайна и фрагментарна, но позволяет сделать некоторые предположения о том, кто и почему попадал на этикетки.

Первоначальное оформление обертки от шоколада или карамели можно уподобить открытке или афише: занимательность рисунков, возможность их собирать, «читать» привлекала покупателей, как рисунки в иллюстрированных журналах или истории о заморских путешествиях. Но «Тарас Бульба» Гоголя и исторические романы Лажечникова читались не только образованной публикой, но и бытовали в обработках и адаптациях — в т. н. лубочной литературе. Театральные представления любила очень разная публика: от высших сословий до низших, которые читали театральные рецензии в дешевых газетах. Сладости в отличие от книг выпускались для широкой публики. Яркие картинки шоколадных оберток представляли мир театра и в то же время — любимых народом повествований исторического жанра вроде «Аскольдовой могилы». Более дешевая, чем шоколад, карамель оборачивалась в самые «нравоучительные» и «полезные» фантики. Высокая цена некоторых сортов

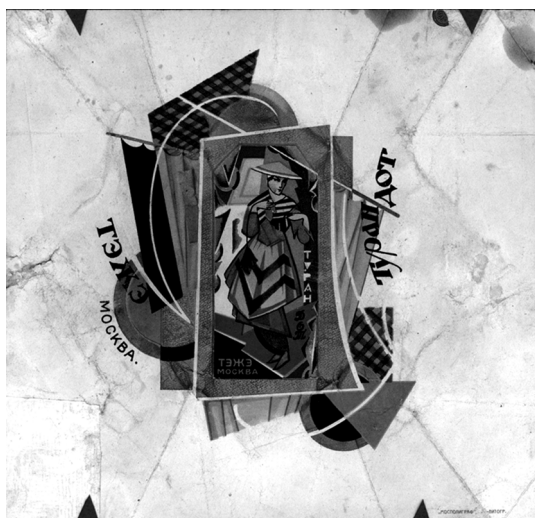

Многие образцы рекламы (в частности, обертки для конфет) того времени создавались по традициям русского печатного лубка и сохраняли его стилистику. «Народная», «деревенская» тематика в конфетных обертках отразила фольклор: в загадках, песнях, частушках, пословицах.

На обертке карамели «Саратовская» можно прочитать такую частушку:

«Деревенски девки модны — батюшки, по три дня сидят голодны — матушки», — которая служит милым свидетельством моды начала XX века на стройные женские фигуры. Загадку на фантике карамели из серии «Детская» не просто отгадать современным детям:

«Кто родился и никогда не умирал?» (Род человеческий).

Оформление косметической продукции «Турандот» отсылает к нашумевшему в двадцатые годы спектаклю по пьесе Гоцци в постановке Евгения Вахтангова и авангардному сценическому оформлению Игнатия Нивинского.

конфет и шоколада не является непреодолимым препятствием для употребления этих продуктов разными слоями населения. Тогда как у И. С. Тургенева и у лубочной литературы был разный читатель, что определялось не только стоимостью журнальной подписки и книг, но и интересами читателей. Производители находили тех героев литературы, которые бы могли быть в равной мере известны и интересны разнородной публике-покупателям. На обертках появлялись уже знакомые имена, в том числе в народной среде. Просветительские функции, думается, были побочным и дополнительным эффектом. Как таковой выбор писателей и литературных образов опирался на их известность и авторитетность. Производители духов и мыла давали своей продукции более экзотические названия, находя их, среди прочего, в зарубежной литературе, мало известной широкой русской публике той эпохи, но знакомой образованным состоятельным покупателям парфюмерии. Может быть, просветительский эффект как таковой был расценен спустя время, когда оформление этикетки и название продукта стали воспринимать как элементы торговой марки, а не упаковки. На этом основана и современная практика именования алкогольных напитков и конфет именами писателей и их героев: выбирается автор, известный жителям региона, и потенциально интересный для покупателей сувениров и подарков, как местная знаменитость.

Варлам Шаламов (1907–1982) в своих «Рассказах о детстве» вспоминал об особой литературной игре с фантиками:

«В раннем детстве мне дарили игрушки — мечи, кинжалы, пистолеты, которые мне не нравились, оловянные солдатки.

Лисичка, меховая лисичка с поющей пружинкой и плюшевый медведь — много лет хранил я их в своих вещах.

Но уже давно я хранил в своем волшебном ящике множество бумажек от конфет, — портреты генералов — Рузский, Брусилов, Иванов, Алексеев, Козьма Крючков, повторенные тысячей конфетных зеркал, — все это не имело для меня никакого значения. Это мог быть и Толстой. Тарас Бульба и Андрей Болконский, и Пьер Безухов, и Симурден из «Девяносто третьего года» Гюго. Я разыгрывал в лицах все пьесы, все романы, все повести, которые я прочел, все кинокартины, которые я просмотрел. И родители не могли бы мне сделать подарка лучше.

Я разыгрывал сцены из Библии, весь этот набор картинок, сложенных конвертиком конфетных обложек — это и был мой волшебный мир, о котором не знали родители.

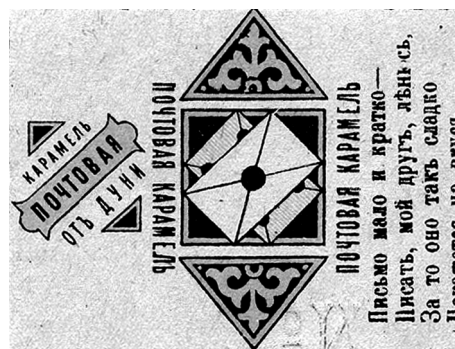
Любой прочитанный роман я должен был проиграть — один, шепотом.

Никто этого не знал и не узнал никогда».

В настоящее время, как правило, значимыми и узнаваемыми для более или менее широкого круга потребителей оказываются герои прошлого и герои детской, сказочной литературы — именно они составляют пантеон литературных героев пищевой индустрии. Материал из других областей, например, содержание азбук и букварей, показывает, что в детском воспитании и затем — в массовом культурном опыте — силен консерватизм, ретроспективный взгляд на мир, когда все представляемые ребенку достижения в музыке, живописи, литературе относятся в основном к XIX веку и временам былинных богатырей и монголо-татарского ига.

Исключений немного: пара строчек из Расула Гамзатова на этикетке водки, стихи Сергея Есенина на спичечных коробках, обращение к образам П. П. Бажова на Урале (Бажов из XX века, но прежде и не было на Урале писателя, который бы был так живописен и наряду с литературным создал бы и визуальный текст региональной, уральской культуры). Конфеты «Гарри Поттер», «Чук и Гек», «Незнайка», шоколад «Дядя Степа» и другие продукты, в названии которых много отсылок к текстам, будучи связаны с литературой XX столетия, принадлежат опять же детскому чтению. Сегодня объединяющим для нации оказывается опыт «школьного» детского чтения: от сказок Пушкина до знания богов римской мифологии и главных писателей русской классической литературы XIX века. Даже конфеты «Му-му», с рисунком коровы на этикетке, для многих ассоциируются с произведением И. С. Тургенева, читаемого в школе и широко известного и обыгрываемого в современных фольклоре и эстраде. Пищевую индустрию интересует читатель-ребенок; индустрия может опереться на детский опыт чтения, который придает даже авторским произведениям статус фольклорных, черпая из литературного словаря как из словаря общепонятных слов с яркой образной окраской и приятными и статусными вкусовыми ассоциациями. Из этого чтения исключены «Обломов» или «Преступление и наказание»: срабатывают нормы вкуса, учитываются ассоциации, кроме того, можно полагать, массовое «школьное» чтение отвергает большие формы вроде романа, отдавая предпочтение стихотворению или повести. Тогда как литература XX века, и в эстетическом и художественном, и в идеологическом и историческом планах очень противоречива и в редких образцах становится достоянием как массовой культуры, так и пищевой индустрии. Имена с вершины литературного Олимпа прошлого усвоены публикой и узнаваемы, вписаны и в высокую культуру, и в быт, тогда как опыт современного чтения, подразумевая самостоятельный выбор текстов, столкновение конфликтных читательских оценок и не будучи рафинировано представленным публике лишь в лучших своих произведениях, скорее разъединяет публику.

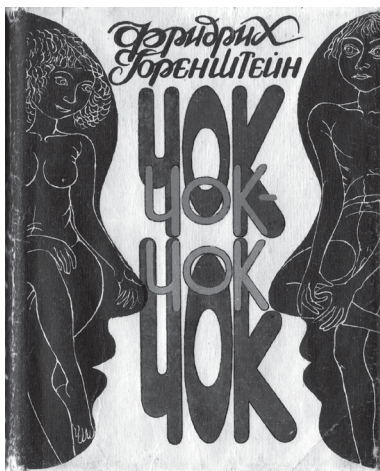
Марина Соколовская

КНИЖНАЯ ПОЛЬЗА

Читая книги и рассказывая о них, мы упускаем много интересных деталей. Потом тщетно пытаемся вспомнить, где об этом читали? Мы представляем коллекцию интересных (и полезных) деталей, встречающихся в книгах: игры, песни, рецепты блюд, советы и т. п. Наверняка кому-нибудь приходила в голову мысль приготовить блюдо по рецепту, приведённому в книге. Попробовать напиток, описанный в книге. Найти «тот» дом, парк, улицу, запечатлённые на книжных страницах. Подобрать материал на платье, по цвету совпадающий с платьем главной героини, примерить «её» украшения. Внести в свой дом что-нибудь из «того» интерьера... Словом, извлечь материальную пользу из прочитанного.

Горенштейн Фридрих
Чок-Чок : философ.-
эрот. роман. – СПб. :
Библиотека «Звезды»,
1992.

Например, когда я начала учить чешский, оказалось, что многие слова я знаю благодаря роману Фридриха Горенштейна «Чок-Чок». И книга замечательная, и героиня прелестна, и её чешский вполне реален и применим на практике:

«..У нас в магазинах на шапках или шубах везде написано: правда баран». «Правда баран — так по-чешски называется натуральный мех».

«— Вот теперь ты другой, — сказала Каролина, — теперь ты обаятельный. Теперь в тебе не ненависть, а ласка... Ласка — это по-чешски любовь.

— Ласка, — повторил Серёжа, — красивое слово»;

«— Она хорошая, а муж у неё питомец.

— Питомец? Какой питомец? Чей питомец?

— Просто питомец, — сказала Каролина и постучала себя пальцем по лбу. — Ах, опять смешно...Питомец — это по-чешски дурак.

— Питомец комсомола, — сказал Серёжа и засмеялся»;

«Когда русские приезжают в Прагу, им многое кажется смешно... Всюду висит — “Позор”. “Позор” по-нашему — внимание, осторожно»;

«У нас на дверях написано: “сам”, значит — к себе; а “там”, значит — от себя»;

«Запах ты не говори, — засмеялась Каролина, — по-нашему, по-чешски — запах, это нехорошо. Какой запах, говорят, когда плохо пахнет... А когда пахнет хорошо, где-нибудь в Татрах на свежем воздухе, говорят — яка воня.

— Яка воня от тебя, — сказал Серёжа и засмеялся.

— Да, хорошая воня, “Шанель номер 19” »;

«А в общем, Серьожка, всюду люди живут одинаково, все люди одинаковы и все хотят одного — иметь красивый живот. Это по-нашему значит — красивая, счастливая жизнь».

Также, когда наши вьетнамские друзья из ближайшей овощно-фруктовой лавочки (а такие лавочки в Праге держат исключительно вьетнамцы) сказали со значением: «Сегодня привезли чиримойю», я, ничтоже сумняшеся, попросила: «Дайте пять», потому что знала, чиримойа — фрукт экзотический, на шишку похожий, исключительно вкусный. Описан в книге Ларисы Васильевой «Альбион или тайна времени»:

«...Что в Сохо действительно замечательно — это овощной рынок. Лучший в Лондоне. Иногда я прохожу через Сохо-рынок и покупаю там что-нибудь экзотическое для своих ребяташек, — говорит Антони Слоун. — Совсем недавно, в ноябре, я принёс им из Сохо “Кастард-эпл”. Не знаете, что это? В Латинской Америке этот фрукт называется “чиримойа”.

Чиримойа! Боже мой, чиримойа! Чили шестьдесят девятого года. Ноябрь. Весна в южном полушарии...

Выхожу на главную улицу Сантьяго и у самого подъезда гостиницы вижу огромную платформу с фруктами: бананы, яблоки, бананы, черешня, бананы, сливы, бананы... а это что? Тёмно-зелёное, чешуйчатое, похожее на кедровую шишку, мягкое на ощупь.

— Чиримойа, чиримойа! — чирикает в ответ на мой немой вопрос смуглый черноглазый паренёк, торговец. — Чиримойа, чиримойа.

Я покупаю одну шишку и тут же на виду у прохожих вонзаю зубы в золотистую мякоть плода. На что это похоже? На всё и ни на что. Яблоко и ананас, и дыня, и что-то цитрусовое. Накупаю целую корзину этого неведомого фрукта...»

Хотя, на мой вкус, чиримойа больше напоминает ванильное мороженое с привкусом ёлки, хвойных иголок. А может это только кажется мне, выросшей среди сосен и елей?

А первым напитком, который мы здесь купили, была настойка «Уникум», знаменитая венгерская травяная настойка, о которой не так давно мы читали в романе Артура Филлипса «Прага». Может, и не купили, если бы не прочитали, что это «любимый венгерским народом травяной ликёр». Уж очень устрашающе выглядит бутылка — большая, пузатая, тёмного стекла с большим красным крестом на этикетке.

И пить его действительно надо «стеклянными напёрстками», крепкок — мёртвого поднимет!

Конечно, не всегда можно верить писателям и следовать букве художественного текста, но всё-таки массу интересного и полезного можно взять из литературы в реальную жизнь..

Васильева Л. Н.
Альбион и тайна
времени : рассказы /
вступит. ст.
Е. Шевелевой. – М. :
Современник, 1978.

Филлипс А. Прага :
роман / пер. с англ.
Н. Мазина. – М. :
Эксмо, 2006.

*Книжный магазин с баром
в Пассаже «Люцерна» (Прага)*

НЕВИННОЕ И ВИННОЕ ЧТЕНИЕ

Небольшое, но приятное отличие пражских книжных магазинов от наших — наличие кофеен и (!) винотек. О кофейнях в западных книжных магазинах мы слышали, но книжные винотеки, полагаю, типично чешское явление. Чехия ведь славится не только пивом, но и моравскими винами.

По этому поводу возникает много идей: неплохо бы устраивать книжные аперитивы и диджестивы (аперитив пьётся до еды, диджестив — после). Презентации обозначить как «Книжные дегустации», «Бокал литературы», выставки — «Книжные фуршеты», встречи с писателями — «Истина в вине», «Бокал и чернильница», «Бокал и перо», «Бокал и буква»...

К детективам подавать красное, к фантастике — белое, к любовным романам — шампанское. Ну а под пиво пойдёт что-нибудь весёлое.

Можно сделать акцент на «происхождение» книги: к русским авторам подавать водку, к французским — кальвадос, к немецким — шнапс, к английским — виски, к американским — бурбон, к японской — саке, или побаловать посетителя напитками, которые пьют герои того или иного произведения, например, настойка «Уникум» хорошо пойдёт вместе с романом Артура Филиппса «Прага».

Не знаю, практикуются ли подобные мероприятия в чешских «книжкупэуэтах» (так по-чешски будет «книжный магазин», от двух слов — «книга» и «купец»), но вино и книга соседствуют, факт. Возможно, первое помогает восприятию второго. Конечно, посетитель должен обладать культурой и чтения, и питья.

А, может, после одного-двух бокалов посетитель раскрепощается и выбирает из книжного множества то, что ему действительно хочется, а не то, что нужно или престижно.

В общем, совмещают чехи приятное с полезным. Причём под словом «полезное» подразумеваются не только книги, но и вино тоже. Которое, как известно, в разумных пределах полезно для здоровья. Особенно моравское красное.

ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ КНИГИ: МАГАЗИН-ГАЛЕРЕЯ И ПРОСТО МАГАЗИН

В Праге есть два удивительных магазина, один называется «Кубиста», другой — «Футуриста». Расположены они недалеко друг от друга — первый на площади «Овоцны трх» (Овощной рынок), второй на улице «Соукеницка», — составляют единый комплекс и продолжают традиции знаменитых направлений в искусстве первой четверти XX века.

Предметы, представленные в них, — частью оригиналы, но в основном «реплики», копии. А чтобы посетители удостоверились в этом, повсюду разложены книги и альбомы, посвящённые кубизму и футуризму.

На мой взгляд, это просто идеальная книжно-предметная выставка: книга в окружении предметов, которым она посвящена. Вот такие здесь книги: «20 столетий чешской архитектуры», «Чешский кубизм 1909 — 1925», «Кубистская Прага», «100 икон чешского дизайна», «Футуризм», «Минимализм», «Чешский дизайн» и др.

Помимо книг и CD, здесь представлены изделия из керамики и стекла, текстиль, украшения, мебель, обёрточная бумага, открытки и плакаты... Естественно, все они кубистско-футуристические.

«Галерея Кубиста была открыта в 2002 году в историческом центре Праги. Специализируется на наиболее важных периодах чешского дизайна — кубизме, арт-деко и функционализме. Работы молодых дизайнеров, вдохновлённых этими периодами, продаются рядом с оригиналами и копиями знаменитых произведений искусства и объектов дизайна».

Галерея-магазин «Кубиста» расположена на первом этаже дома, который называется «У Черне Матки Божии» (У Чёрной Богородицы). Выше в этом же доме расположены Музей чешского кубизма и кубистское Гранд Кафе Ориент. Для любителей искусства здесь три удовольствия разом: побродив по залам музея, можно перекусить в кафе и спуститься вниз, в магазин с его тихой камерной атмосферой, откуда вы непременно уйдёте не только умиротворённые, вдохновлённые встречей с прекрасным, но и непременно с каким-нибудь сувениром — кружкой, майкой, колечком, открыткой. Всё в стиле кубизма, мастерски сделано. А цены в магазине самые разные...

Продолжение в следующем номере

Янина Чиркова

«КАРАФУТО. АЛЬБОМ НЕИЗВЕСТНОЙ СЕМЬИ ИЗ ООДОМАРИ». ГОД СПУСТЯ...

Я очень люблю рассматривать фотографии, особенно свои семейные снимки. Они хранятся не в одном альбоме — их в нашей семье несколько:

Мамин альбом. В нём мне очень нравятся мамы школьные фотографии. В те времена девочки носили совершенно другие школьные формы, чем мы сегодня. На снимке, который сделан 1 сентября 1970 года, моя мама одета в тёмное форменное платье с белым кружевным воротничком и белый фартук. Красиво и необычно одновременно.

В папином альбоме меня заинтересовали снимки, где папа в военной форме и с оружием. Он совсем не похож на сегодняшнего моего папу. Эти фотографии сделаны во Владивостоке, в 80-х годах. Там папа проходил срочную военную службу.

В альбоме про меня интересны фотографии, когда я была совсем малышкой. Почти на всех снимках рядом со мной мой любимый кот Феликс, который прожил в нашем доме 15 лет.

Я внимательно листаю альбомы с фотографиями моих родных и узнаю их. Очень увлекает разглядывание не только лиц, но и одежды людей, места, где они сфотографированы — иногда я их узнаю, а иногда и нет, и поэтому всегда спрашиваю маму и папу: «А где сделана эта фотография?»

Иногда оказывается, что я знаю это место, но оно настолько изменилось, что и не узнать...

Есть в нашем семейном архиве фотографии, которые совсем не похожи на современные снимки: они наклеены на толстый и необычный картон. Изображены на них люди, которых я никогда не видела. По рассказам мамы и папы — это мои прабабушки и прадедушки. Особенно мне запомнился один снимок! Сама фотография наклеена на красивый картон с выдавленными на нём золотыми буквами словами: «И. Яковлев» и «Кронштадт и Ораниенбаум», а на снимке изображены два моряка, которые показались мне очень смелыми и симпатичными. Когда я спросила у мамы: «Кто эти люди?», мама ответила, что один из этих моряков (справа на снимке) — мой прапрадед — Семён Белых-Лобанков. «А кто такой прапрадед? — спросила я маму, — И почему у него двойная фамилия?». Тогда мама меня попросила потерпеть два дня до выходных, чтобы у неё было время рассказать мне о моём необычном предке. Ждать мне, конечно же, не хотелось, но пришлось... И через два дня мы с мамой сели поудобнее на диван и она рассказала мне историю, в которой я впервые услышала о малоизвестной для меня стране Японии, о военных кораблях, Тихом океане и моряке Семёне Белых-Лобанкове.

Мой прапрадед — это дедушка моего дедушки, точнее — папа моей прабабушки — Анастасии Семёновны Белых-Лобанковой, которая является бабушкой моей мамы. Звали его Семён Никифорович Белых-Лобанков. Родился прапрадедусика 15 февраля 1881 года. Его жену, мою прапрабабушку, звали Устинья Степановна, которая родила ему троих детей: Настю, Демида и Зотю. Сегодня таких мужских имен не услышишь. К сожалению, мы не знаем, где именно родился дед Семён, где учился, почему у него двойная фамилия...? Мама сказала, что это ещё предстоит узнать, и она надеется на мою помощь.

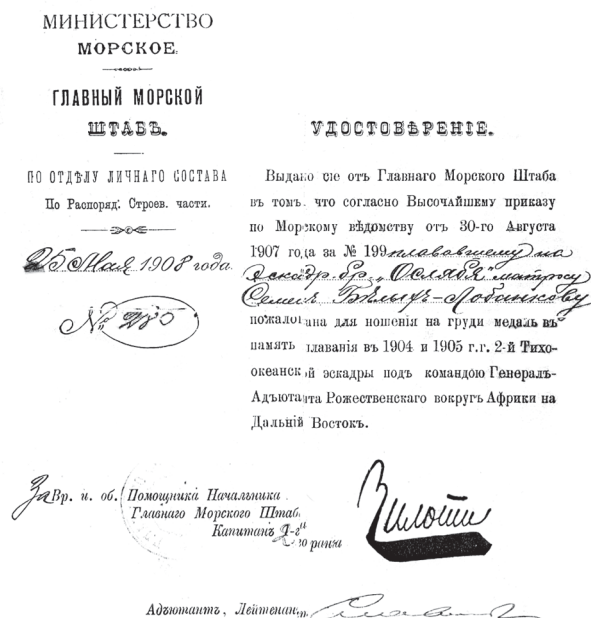
Зато ей известна легендарная история, связанная с морской службой моего прапрадеда. Оказывается, в нашем семейном архиве хранится удостоверение морского министерства и Главного морского штаба от 1908 года о награждении С. Н. Белых-Лобанкова памятной медалью о плавании в 1904—1905 годах на броненосце «Ослябя» в составе II-ой Тихоокеанской эскадры под командованием генерал-адъютанта Рождественского вокруг Африки на Дальний Восток. Мама мне рассказала, что это было не простое мирное и непродолжительное плавание, а опасное и длительное путешествие.

В эти годы, 1904—1905 гг., Россия воевала с Японией (по «Окружающему миру» я теперь уже знаю, что периодически на планете страны воюют друг с другом) и весной 1904 года русским морякам нужна была помощь. По приказу царя Николая II была создана эскадра кораблей, которая 20 июня 1904 года вышла в поход.

В числе кораблей эскадры был броненосец «Ослябя», на котором служил матросом мой прапрадед. В Интернете мы нашли большую статью с фотографиями «II Тихоокеанская эскадра — хроника перехода». Мы узнали по дням и по часам, как проходил этот печальный поход и чем закончилось знаменитое Цусимское сражение. На протяжении всего похода (20 июня 1904 — 15 мая 1905) русские корабли вступали в бои с вражескими японскими кораблями. Тонули то русские, то японские корабли. «А что же корабль дедушки Семёна?» — спросила я маму. Она открыла на экране монитора страницу и сказала мне: «Читай!»:

«14 мая Русская эскадра подошла к Корейскому проливу... Увидев русские корабли, японский адмирал Того отдаёт приказ атаковать противника. По броненосцу Суворов ведут сконцентрированный огонь шесть японских кораблей: четыре броненосца и крейсера “Кассуга” и “Ниссин”. По “Ослябе” — шесть броненосных крейсеров! 14:40 — броненосец “Ослябя” вышел из строя с большим креном и перевернулся на левый борт».

<http://navy.h1.ru/Page12/page12.html>

Карафутто. Альбом неизвестной семьи из Оодомари : 106 прекрасно сохранившихся снимков.

Большая японская семья: родители со своими детьми, бабушки и дедушки с внуками, сёстры с братьями...

Мне стало страшно... «Значит, мой дедушка Семён погиб?» — собираясь заплакать, спросила я у мамы. «Нет-нет, не волнуйся, — успокоила меня мама, — 200 моряков с броненосца “Ослябя”, рискуя своим кораблём “Буйный”, спас капитан II ранга Коломейцев». Несмотря на мужество русских моряков, Россия проиграла войну Японии. Дед Семён остался жив и в 1908 году был одним из немногих, кого наградили за этот поход медалью. Не стало его, когда ему было 40 лет. Он не принял новую советскую власть и трагически погиб в 1921 году на Урале.

Но история на этом не заканчивается. В какой-то момент мама и я стали лихорадочно вспоминать, что где-то мы уже видели слово «Кассута» и вспомнили. Год назад издательство «Баско», где работает мама, представляла книгу «Карафутто. Альбом неизвестной семьи из Оодомари». Перелистав ее заново, мы наткнулись на снимок, на котором изображён японский мальчик в бескозырке с надписью «Kasuga». Что же это? Бескозырка с названием корабля, представляющим национальную гордость или один из членов японской семьи из фотоальбома имел отношение к Русско-японской войне и непосредственно к японскому крейсеру. И значит, продолжать поиск японских потомков нужно со списка личного состава крейсера «Kasuga». Именно с писем в японские исторические архивы с просьбой познакомиться с документами по Цусимскому сражению, мы продолжим работу над установлением фамилии неизвестной японской семьи и дальнейшим поиском её потомков. Очень надеюсь, что этот путь принесёт нам результат.

Самое удивительное, что именно наша семья была причастна к событиям, совершившимся 103 года назад, когда правительства Японии и России воевали друг против друга. Но, сегодня, здесь, на Урале, мы хотим вернуть историческую реликвию на родину, в Японию.

*Мария Короткова, ученица 4 «Б» класса школы № 43
(г. Екатеринбург),
лауреат 1-го районного конкурса
исследовательских работ учащихся начальной школы
“Хочу стать академиком”*

ДМИТРИЙ ПУЧКОВ. ПЕРЕВОДЧИК

Дмитрий Юрьевич Пучков. Или Гоблин (или Goblin). Переводчик, автор почти восьмидесяти «правильных» и нескольких пародийных переводов голливудских фильмов и сериалов, писатель и сетевой публицист.

Наверное, вы и так всё это знаете. Кто-то поглядел в его переводе «Криминальное чтиво» и понял, наконец, о чем это. Другой ухохотался на «Дух сорванных башнях». Третий крушил компьютерных монстров под его руководством. Четвертый каждый свой рабочий день начинает с захода в его «Тупичок», чтобы именно от него узнать, что делается в мире. Пятый решительно пересмотрел свое отношение к «Девятой роте». Шестому он помог понять, чего ждать от первых месяцев в армии. Седьмой, восьмой, девятый, девяносто девятый...

Вы можете не разделять его взгляды и находить пробелы в его познаниях. Все равно он нечеловечески убедителен. «Как так? – спросите вы. – Как это у него получается?» Во-первых, он требует абсолютной точности от себя и от других. Во-вторых, у него есть убеждения, за которые он заплатил сам и недешево. И если уж он начал, не сомневайтесь, он доделает, договорит, дойдет до конца. В мире, где всё так приблизительно и так относительно, где столько дел брошено на полпути, – всё это производит сильное впечатление. Он знает очень много самых разных слов. И знает, что есть обстоятельства, когда их не стоит использовать. Вот поэтому он, рискуя иногда показаться грубым, никогда не выглядит глупо – как это сплошь и рядом случается с теми «приличными людьми», которые любят на ровном месте козырнуть ненормативной лексикой. Наконец, он отличный рассказчик. Не секрет, что человек, который может тебя насмешить, убедителен, как никто другой.

Есть такое знатное произведение «Хагатура» — написано самураем, про самураев, для самураев. Сели на паром, а вот его слуга поспорил с матросом, они задрались, вышла безобразная сцена. Дальше рубка на саблях, пришлось еще и хозяина убить. Некрасиво. А вот если бы ты сразу убил своего слугу и матроса, еще только когда они рты открыли, всё было бы хорошо. Уважаемые люди не пострадали бы... И в общем-то я принцип таких взмахов саблей практикую вообще во всем.

О БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЯХ

ДМИТРИЙ, В ОДНОМ ИНТЕРВЬЮ ВЫ ГОВОРИЛИ, КАК В СВОЕ ВРЕМЯ ПОДЕЛИЛИ ВСЕХ ЗНАКОМЫХ НА ТЕХ, КОМУ НРАВИТСЯ ФИЛЬМ «ПОЛЕТ НАД ГНЕЗДОМ КУКУШКИ» И ТЕХ, КОМУ НЕ НРАВИТСЯ. И ПОСЛЕДНИХ ИСКЛЮЧИЛИ ИЗ СВОЕГО КРУГА ОБЩЕНИЯ. НЕ СЛИШКОМ ЖЕСТКО?

По многим параметрам такое происходит. Скажем так, это некие произведения, которые определяют жизненные ориентиры, так скажем. Про то же «Гнездо кукушки» — это просто в первый раз так в глаза бросилось, что, оказывается, отношение ко многим вещам в жизни с массой знакомых настолько противоположное. Не то что противоположное, а разное. И в общем-то, если у тебя не совпадают интересы по, так сказать, базовым точкам, то общаться не о чем, категорически не о чем.

ДАЖЕ ПОВЕРХНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ НИ К ЧЕМУ?

Все равно, когда касается неких базовых ценностей. Любишь ты свою страну или не любишь? Если человек пылает ненавистью ко всему, что тебе на протяжении всей жизни близко — зачем мне с ним общаться? Ну, идиот, с моей точки зрения. Если он не любит страну, в которой живет — идиот. Никаких поводов к общению даже не вижу. То есть, в процессах общения с людьми, если тебе что-то не нравится, какие-то вещи вызывают отторжение, общение лучше прекратить сразу. Потому что, если ты идешь на компромиссы — *«Ну ладно, зато он специалист хороший, зато он детей любит»*... Он все равно идиот. И если ты с ним не будешь общаться, тебе же будет легче. Если возникают конфликты, лучше не общаться. Не просто в трамвае толкнули, а именно в отношении базовых ценностей — категорически нет.

А КНИЖКИ У ВАС ТАКИЕ ЖЕ «ПРОВЕРОЧНЫЕ» ЕСТЬ?

Что касательно книжек, есть другой пример. Есть, например, Александр Солженицын, написавший «Архипелаг Гулаг», бред от начала до конца. Тоже очень четко показывает, если человек с придыханием говорит, что это *«волшебное произведение»*. Да, оно такое, как идеологическая бомба — замечательное произведение. С одной стороны, тупые большевики, которые не занимались пропагандой надлежащим образом, с другой стороны — тупой Солженицын, который интуитивно нащупал некие эмоциональные точки, тыкая в которые шилом, можно заставить человека подпрыгивать.

Ну, и отношение к данному произведению людей тоже делит очень четко. С точки зрения одних, там написана безусловная правда, с точки зрения других — абсолютный бред. Вот на почве этого тоже с массой народу перестал общаться. Ну, они живут при своих точках зрения. *«Так ты что хочешь сказать? Что вообще репрессий не было? Как же не было, когда они были?»* Были. И есть архивы, есть документы, откройте, покажите. А вот идеологический бред лично я читать не хочу.

«ДАВАЙТЕ ОПРЕДЕЛИМСЯ»

О чем книга? Типа, в начале написано, двести двадцать семь писем он получил. Я в день получаю, например, больше. А это он по факту опубликования «Одного дня Ивана Денисовича» получил двести двадцать семь писем. Вот из этих писем он набрал цитат, вставил в текст. *«А этот пишет, этот пишет...»*. Кто это пишет? А где факты, документально подтверждающие, что он пишет? Вот меня обидели, и я вот теперь пишу. Ну, на здоровье.

Для начала неплохо в уголовное дело посмотреть, за что он туда сел. 97 % заключенных считает, что они сидят по беспределу. Это сейчас. Обращаю ваше внимание, народу сейчас сидит столько же, сколько при Сталине. 97 % считает, что они посажены ни за что. Может такое быть? Ну, даже зная нашу милицию, наши способы там, средства,

может такое быть? Ну, чего-то перебор. Ну, ладно, хорошо, пускай половина, но не 97 %! Так не бывает. Естественно, каждый считает, что ни за что, потому что нарушены некие процессуальные тонкости бывают. И главный довод: *«А вон в Кремле пароходами воруют, а я украл на сто рублей, и меня посадили. Это несправедливо»*. А в чем несправедливость? Может, в Уголовном кодексе что-то другое написано? Нет, там написано это, но *«в Кремле воруют пароходами»*. Давайте определимся: у нас тут это психиатрическая экспертиза проходит с вами, гражданин?

ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ ПОДХОДЕ

Я вот в армии служил, в трех частях. Во всех трех было разное. Одна была как пионерлагерь вообще, ничем не отличалась — подъем, отбой, подняли, накормили. Другая была ни рыба, ни мясо. А в третьей нас, например, жестоко били, постоянно, и ничего общего с пионерлагерем там не было. Но. Во-первых, били специфическим образом — тебя не убить хотят, а просто унижить, начнем отсюда. Ты не груша для бокса. С другой стороны, оно, в общем-то, полезно, когда тебя за малейшую дурость бьют. Подростку это исключительно полезно. В Библии написано: *«Жалея розог для своего сына, ты его губишь»*. Другое дело, что у одного в голове остается польза: да, действительно, дурак был, вот здесь за дело по рылу дали, вот здесь и вот здесь. Я сам дурак. Да, бывает, унижают, так это мутанты. Если тянет бить окружающих и самоутверждаться за их счет — это мутанты. А ты дождись удобного момента и сам его избежь. Или шепни ему жарко на ухо: *«Я ж тебя ночью-то зарежу, друг мой»*. Разительные изменения происходят в людях сразу. Только вот он услышит это, ему уже дурно становится. Страшно — а как жить-то дальше, если за тобой с ножом ходят? Из этого извлекаешь пользу. А вот эти, которые пишут: *«А меня били, а меня это...»*. Ну да, безусловно, бывает, били, но это, во-первых, не система, а во-вторых, непонятно, зачем ты это пишешь?

«КАК ТАК МОЖНО СЛОВА РАССТАВИТЬ?»

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КНИЖКИ ВЫ УЖЕ НЕ ЧИТАЕТЕ СОВСЕМ?

Как-то не попадаетесь таких, заслуживающих прочтения. Вот, последнюю одолел, вернее, сейчас одолеваю — про капитана Алатристе. Там переводчик такой ловкий. Ну, я по-испански не сильно понимаю, поэтому переводчику вынужден доверять. Там так интересно, стиль такой.

ВАМ ВАЖНО, КОГДА ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОЖНО ПОЧЕРПНУТЬ КАКИЕ-ТО ПОЛЕЗНЫЕ СВЕДЕНИЯ, ФАКТЫ ИСТОРИЧЕСКИЕ?

Лично мне всегда интересны способы и стили изложения, как слова в предложениях расставлены. Извиняюсь за нескромность, сам это умею, и в других мне интересно, как они. Вот есть, например, какой-

Читайте:
www.oper.ru
Тупи40к гоблина

нибудь Андрей Платонов, у которого просто как булыжники в голове. Как так можно слова расставить? Очень смешно получается, очень интересно именно с точки зрения стилистики. Или какой-нибудь Хармс, откровенный психбольной. Ну, все творцы ненормальные, по большому счету. Нормальный человек ничего подобного не может, у него ход мыслей не такой, обыденный, прямой. Большинство же авторов, 80 %, они просто... Вот как у детей бывает некая синестезия — цвет, свет, звук, они в голове оформляются в нечто единое, и большинство авторов этим пользуются. Ну, *«холодный, пронзительный звук»*. И у большинства опять-таки читателей это вызывает: *«Надо же, как он!»* Мне это неинтересно, категорически неинтересно.

«ГЛЯДЕТЬ НА РАЗНЫЕ СОБЫТИЯ С РАЗНЫХ СТОРОН»

С возрастом больше склоняешься в некие исторические направления. Почитать, чего было на самом деле, оно, на мой взгляд, гораздо интереснее. Что произошло, кто какую роль в этом сыграл, какое участие принимал. Убили, например, гражданина Распутина, опустили под лед. А кто его убил? Оказывается, два друга-гомосексуалиста, один из которых великий князь, что неплохо характеризует дом Романовых, в котором водились такие пацаны. Расстроил гражданин Распутин его свадьбу, это послужило причиной для мести. Что это было? Забота о России несчастной? А было ли это по делу, что, в конце концов, он отрекся от царства и в итоге его грохнули большевички в подвале? Хорошо поступили большевики? Безусловно, нехорошо. Детей убивать как-то... А с другой стороны, вот до чего ты страну довел, а соответственно и собственную семью. Гибель твоей семьи, на фоне того, во что ты вверг родную державу, где была Гражданская война и угробили миллионы — из-за тебя, из-за дебила такого. Извините. Вот, пожалуйста. Про это, на мой взгляд, гораздо интереснее — глядеть на разные события с разных сторон.

О ШАБЛОНАХ И «МАТРИЦЕ»

**ИНТЕРЕСНО ЧИТАТЬ ТО, ЧТО САМИ НЕ УМЕЕТЕ
ИЛИ НЕ ХОТИТЕ?**

Да. Даже не столько не умею и не то что не хочу. Все творцы заточены под что-то одно. Вообще всякий человек ограничен, за исключением там безусловных гениев, из которых прет и прет разнообразное. А ограниченность приводит к тому, что, когда ты знакомишься с творчеством, то в этом самом творчестве замечаешь определенные клише, шаблоны. Ну, у тупого всегда три шаблона, а у мастера тридцать три. Но все равно их тридцать три, и если ты понимаешь, как он их использует, то в общем-то дальше уже неинтересно. Как только поймешь, почему вот так.

Касательно художественной литературы, она же вся изготавливается по шаблонам безусловным. Был когда-то у нас такой Владимир Пропп, разбирал сказки, мифы и всякое такое, а на Западе был такой

Джозеф Кэмпбелл, который структуру мифов разбирает. И в общем, когда этот самый Кэмпбелл окончательно разобрал, то им был вычленен некий шаблон, по которому все мифы производятся. Жил-был герой, ему пришел вызов, что-то там происходит, он от него отказывается. Второй вызов, он: *«Вроде, надо принасть к этому делу»*. Потом появляется Учитель, который ему объясняет.

Вот если взять художественный фильм «Матрица» и посмотреть. Как Нео в подвале за белым кроликом, потом появился негр Морфей, а потом он переходит на другую сторону, начинаются адские приключения. Всех победив и забрав пузырек волшебного эликсира, он возвращается домой. То есть, получается такой замкнутый круг, четко поделенный на три части. Под него попадает 99 % художественных произведений, за исключением шедевров типа «Криминального чтива», где просто это поменено местами — гениальная находка! Причем и там, говорят, что это нечаянно, из-за того, что они испортили часть материала. Монтажер предложил сделать вот так, потому что не было пленки. Получилось гениально. А в целом читаешь художественное произведение — шаблон-то все равно виден, и в общем как-то неинтересно.

«ТАКИХ КНИГ НИКТО НЕ ПИШЕТ, А ЭТО ПЕЧАЛЬНО»

Вот, имеем некое событие, например, царь Леонид и триста спартанцев. Обратите внимание, за веру, царя и Отечество не моргнув пошли и легли. На самом деле, всё было не так. Там было не триста, а семь тысяч народу, которых он с собой насильно привел, кого пинками по дороге выгребая, кого обманом, что вот-вот подтянутся главные силы. А другие обязаны были идти, соблюдали верность союзническому договору. Неважно, тем не менее в истории остались триста спартанцев и царь Леонид, который никуда не пошел, не убежал. Он твердо знал, что его на смерть послали. Тем не менее, пошел с пацанами и смерть принял. Образец для подражания — вот как надо поступать, вот как надо жить. Вот такая литература, она полезная.

А вот произведения гражданина, как его, Сорокина, они не полезны никому, ни с какого боку. Это вот игры больного воображения — зачем они?

ОН ВАМ И В ЯЗЫКОВОМ СМЫСЛЕ НЕИНТЕРЕСЕН?

Неинтересен, совсем. То есть, человек нездоров, совсем нездоров. Ну, есть так называемый «энтомологический интерес». То есть, с моей точки зрения, на людей, на общественную жизнь следует смотреть, как энтомолог на муравейник смотрит: чего они там делают? почему устроено так? почему они поступают так? Холодным взглядом исследователя — это правильно смотреть. И товарищ Сорокин, он как некая струя в нынешней литературе, явление, с которым следует ознакомиться, чтобы понять, почему, чего и как. Это знать полезно, но никаких восторгов не вызывает.

А ПЕЛЕВИН?

Пелевин, наоборот, прикольный. Там масса общего. В начале перестройки принялись усиленно публиковать так называемую духовную литературу, там всяческие «Алмазные сутры», «Йога-сутры», прочее, прочее. Естественно, все, так сказать, духовно продвинутые яростно всё это читали, было страшно интересно. Его тексты, Пелевина, когда читаешь, там буквально видно, из какой книжки вот это, из какой это, к чему эта отсылка. В общем, у нас никто этим не занят. Наши литературные критики литературу подобного рода не читают.

О ТВОРЧЕСТВЕ ДЛЯ МАСС И ДЛЯ НЕМНОГИХ

Ситуация в этом деле нездоровая. Есть некая литература и кино, которые предназначены для масс, например, художественный фильм «Годзилла». А все так называемые критики, они заняты переливанием из пустого в порожнее, разговорами о Тарковском, похожа ли «Годзилла» на Тарковского. И если не похожа, значит, и не заслуживает никакого внимания. А должно существовать четкое понимание, что кино снимают не для того, чтобы реализовать чьи-то творческие амбиции, что Советская власть предоставляла гражданину Тарковскому. Бесплатно, заметьте. А оно исключительно для того, чтобы зарабатывать деньги, исключительно. И если ты при этом как творец можешь сделать некий коммерческий продукт, но засунуть туда свои некие глубокие мысли — ну, это только характеризует тебя как мега-творца. А если не можешь ты их туда засунуть и не можешь снимать коммерческое кино — всего хорошего. Есть гораздо более дешевые способы реализации, не надо парить мОзги людям.

Ну, если ты пишешь, если из тебя лезет, ты не можешь это удержать — а так происходит всякое нормальное творчество, оно само из тебя вылезает, не надо рассказывать про муки творчества. Если муки терзают, каналы копай, гораздо плодотворнее получится. Но если ты не можешь удержать и что-то накропал, издай на свои деньги, на здоровье. Это не так дорого стоит, типографии вон на части авторов рвут. Привози в багажнике своей машины, если она у тебя есть, и дари. Именно так и происходит у наших, кто в университете трудится. Тираж книжки — 452 экземпляра. Они продают на филфаке у нас, как-то не видно, чтобы толпы бежали, рвали на части. Литература подобного толка не может продаваться миллионными тиражами.

А что продается? Детективы, понятно: убил, зарезал, убежал, поймали. Такое, да. Ну, вот конкретно я. Издали три моих книжки про «Властелина колец» и прочее, восторг души, всем страшно нравится. Идиотские книжки, откровенно, я извиняюсь, никакого прочтения не заслуживают...

Продолжение в следующем номере.

*Валентина Живаева
15 июня 2008 года*